

Двое могут хранить секрет
Карен М. Макманус

Новый психологический триллер
Эхо-Ридж. Очаровательный городок, будто сошедший с рекламного проспекта.
Городок, где теперь предстоит жить старшекласснице Эллери и ее брату-
близнецу. Городок, в котором произошла череда загадочных происшествий...

Недавно на одной из улиц города был насмерть сбит учитель местной школы –
виновник скрылся с места аварии. Пятнадцать лет назад – безжалостно убита
школьная «королева красоты», выпускница Лейси... А еще несколькими годами
ранее из Эхо-Ридж бесследно исчезла Сара – родная тетя Эллери.

Могут ли все эти случаи быть как-то связаны? Эллери и ее одноклассник
Малкольм решают во всем разобраться.

С каждым днем они становятся все ближе к истине, но какую цену им придется
за это заплатить?

Карен Макманус

Двое могут хранить секрет

Karen M. McManus

Two Can Keep A Secret

© Karen M. McManus, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Посвящается Габриэле, Каролине и Эрику

Глава 1

Эллери

Пятница, 30 августа

Если бы я верила в приметы, то эту назвала бы плохой.

На багажной карусели остался только один чемодан. Ярко-розовый, обклеенный стикерами «Хелло Китти» и совершенно точно не мой.

Опираясь на ручку своего громадного чемодана, мой брат Эзра наблюдает, как это чудовище в четвертый раз проплывает мимо нас. Толпа вокруг карусели почти рассеялась, кроме парочки, которая ссорится из-за того, кто должен был отследить бронь их прокатного автомобиля.

– Может, возьмешь этот, – предлагает Эзра. – Хозяйка, кто бы она ни была, летела, похоже, не нашим рейсом, а гардеробчик у нее, спорим, прикольный. Скорей всего, куча вещей в горошек. И с блестками. – Звонит его телефон, и он достает его из кармана. – Бабуля ждет нас на улице.

– Просто невероятно, – ворчу я, пиная ногой в кроссовке металлический бок карусели. – В том чемодане вся моя жизнь.

Небольшое преувеличение. До последних почти восьми часов вся моя настоящая жизнь находилась в Ла-Пуэнте, штат Калифорния. За вычетом нескольких ящиков, отправленных в Вермонт на прошлой неделе, в чемодане находятся остатки.

– Наверное, нужно написать заявление. – Эзра окидывает взглядом зону выдачи багажа, приглаживая свои коротко стриженные волосы. До недавнего времени у него были густые темные кудри, постоянно падающие, как и у меня, на глаза, и я до сих пор не могу привыкнуть к новой прическе, которой он обзавелся летом. Брат берет свой чемодан на изготовку и поворачивается к стойке информации. – Думаю, нам туда.

Тощий парень за стойкой, с россыпью красных прыщей на щеках и подбородке, похож на старшеклассника. Золотистая карточка с именем «Энди» неровно приколот к его синей безрукавке. Энди кривит тонкие губы, пока я рассказываю ему о своем чемодане, и, вытянув шею, смотрит на багаж «Хелло Китти», по-прежнему нарезающий круги на карусели.

– Рейс 5624 из Лос-Анжелеса? С пересадкой в Шарлотте? – Я киваю. – Вы уверены, что это не ваш?

– Абсолютно.

– Плохо. Хотя, думаю, он найдется. Вам нужно заполнить вот это. – Выдвинув ящик, он достает бланк и дает его мне. – Где-то тут была ручка, – бормочет он, без особого усердия хлопая по стопке бумаг.

– У меня есть.

Расстегнув «молнию» наружного кармана на рюкзаке, я вытаскиваю и кладу на стойку книгу в твердом переплете и пытаюсь нашарить ручку. При виде потрепанной обложки Эзра поднимает брови.

– Ты серьезно, Эллери? – спрашивает он. – Ты взяла в самолет «Хладнокровное убийство»? Почему ты не отправила его с остальными книгами?

– Она ценная, – говорю я в свое оправдание.

Эзра закатывает глаза.

– Ты же знаешь, что подпись Трумена Капоте ненастоящая. Сейди надули.

– Ну и что. Важно намерение, – бормочу я. Четыре года назад, получив роль Трупы № 2 в «Законе и порядке», наша мать купила мне на «И-Бей» «подписанный» экземпляр первого издания. Эзре она подарила обложку от альбома «Секс пистолс» с автографом Сиды Вишеса, вероятно, таким же фальшивым. Вместо этого следовало бы купить автомобиль с надежными тормозами, но Сейди никогда не умела планировать наперед. – В любом случае, ты же знаешь эту присказку. Пришел в страну одноглазых...

Ручка наконец отыскивается, и я начинаю вписывать в бланк свое имя.

– Значит, вы направляетесь в Эхо-Ридж? – спрашивает Энди. Я замираю перед вторым «к» в моей фамилии, и он поясняет: – Его больше так не называют. И вы рано. Он откроется только через неделю.

– Знаю. Я не тематический парк имела в виду. Я имела в виду... – Я умолкаю, не сказав «город», и запикиваю «Хладнокровное убийство» в рюкзак. – Не важно, – говорю я, возвращаясь к бланку заявления. – Сколько времени обычно занимает поиск багажа?

– По идее, не больше дня. – Энди переводит взгляд с Эзры на меня. – Вы, ребята, очень похожи. Близнецы?

Я киваю, продолжая писать. Неизменно вежливый Эзра отвечает:

– Да.

– Я тоже должен был быть близнецом, – заявляет Энди. – Но второго поглотила матка. – Эзра удивленно фыркает, и я подавляю смех. Это постоянно случается с моим братом; люди делятся с ним самыми странными вещами. Может, у нас и одинаковые лица, но доверие у всех вызывает его физиономия. – Я всегда считал, что здорово было бы иметь близнеца. Можно притворяться друг другом и путать людей. – Я подняла взгляд, и Энди, прищурившись, снова оглядел нас. – Ну. Думаю, у вас это не получится. Вы не полные близнецы.

– Определенно, нет, – с застывшей улыбкой отвечает Эзра.

Я пишу быстрее и вручаю заполненный бланк Энди, который отрывает верхние листки и отдает мне копию на желтой бумаге.

– Значит, мне кто-то позвонит, да? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает Энди. – Если не позвонят завтра, позвоните по номеру, указанному внизу. Желаю хорошо отдохнуть в Эхо-Ридже.

Эзра громко вздыхает, когда мы идем к вращающейся двери, и я улыбаюсь ему через плечо.

– Ты обзаводишься милейшими друзьями.

Он передергивается.

– Из головы не выходит. Поглотила. Как это вообще может случиться? Неужели он... Нет. Не стану сочинять. И знать не хочу. Как, однако, наверное, странно расти с этим, а? Зная, что не тем близнецом вполне мог оказаться ты.

Мы выходим из двери навстречу волне душного, насыщенного выхлопными газами воздуха, который застаёт меня врасплох. Я ожидала, что даже в последний день августа в Вермонте будет куда холоднее, чем в Калифорнии. Я приподнимаю волосы на шее, а Эзра прокручивает сообщения в телефоне.

– Бабуля говорит, что объезжает по кругу, потому что не хочет парковаться, – сообщает он.

Я поднимаю брови.

– Бабуля пишет сообщения и ведет машину?

– По-видимому.

Я не видела бабушку с тех пор, как она навещала нас в Калифорнии десять лет назад, но, по моим воспоминаниям, это было на нее не похоже.

Мы ждем еще несколько минут, изнывая от жары, пока рядом с нами не останавливается оливкового цвета «Субару»-универсал. Стекло со стороны пассажирского сиденья опускается, и высовывается бабулина голова. Бабушка очень похожа на себя по «Скайпу», хотя густую седую челку явно подстригли недавно.

– Давайте, садитесь, – зовет она, косясь на полицейского-автоинспектора в нескольких шагах от нас. – Стоять можно не больше минуты.

Голова бабули скрывается, и Эзра катит свой одинокий чемодан к багажнику.

Когда мы забираемся на заднее сиденье, бабуля поворачивается к нам, поворачивается и более молодая женщина, которая сидит за рулем.

– Эллери, Эзра, это Мелани Килдафф. Ее семья живет на нашей улице. У меня было жуткое ночное видение, поэтому Мелани оказала любезность и села за руль. В молодости она одно время сидела с вашей матерью, когда та была младенцем. Вероятно, вы слышали это имя.

Вытаращив глаза, мы с Эзрой переглядываемся. Да. Да, слышали.

Сейди уехала из Эхо-Риджа, когда ей было восемнадцать, и приезжала сюда всего дважды. Первый раз за год до нашего рождения, когда умер от инфаркта наш дед. Во второй раз это произошло пять лет назад – она поехала на похороны дочери-подростка Мелани.

Мы с Эзрой сидели дома и смотрели специальный выпуск сериала о подлинные преступлениях – «Тайна Территории убийства», с нами оставалась наша соседка. Меня заворожила история Лейси Килдафф, красивой блондинки, королевы осеннего бала в родном городе моей матери; девушку нашли задушенной в тематическом парке «Хэллоуин». Энди из аэропорта был прав; несколько месяцев спустя владелец парка изменил название «Территория убийств» на «Ферма страха». Думаю, этот случай не привлек бы такого внимания всей страны, если бы не попавшее в точку название парка.

Или если бы Лейси не стала второй красавицей-подростком из Эхо-Риджа – даже с той же улицы, – попавшей в трагические заголовки средств массовой информации.

Вернувшись с похорон Лейси, Сейди не ответила ни на один наш вопрос.

– Я просто хочу об этом забыть, – говорила она всякий раз, когда мы спрашивали. Именно это она говорила про Эхо-Ридж всю нашу жизнь.

Какая ирония, думается мне, что в конце концов мы здесь оказались.

– Приятно познакомиться, – произносит Эзра, пока я каким-то образом ухитряюсь подавиться собственной слюной. Он стучает меня по спине, сильнее, чем необходимо.

Мелани красива поблекшей красотой, у нее светло-русые волосы, заплетенные во французскую косу, светло-голубые глаза, россыпь веснушек. Она обезоруживающе улыбается, демонстрируя отсутствие некоторых зубов.

– Взаимно. Простите, что опоздали, но движение на удивление плотное. Как долетели?

Не успевает Эзра ответить, как громкий стук по крыше «Субару» заставляет бабулю подскочить.

– Продолжайте движение, – кричит автоинспектор.

– Берлингтон самый грубый город, – пыхтит бабуля. Нажатием кнопки она поднимает стекло, а Мелани пристраивается за каким-то такси.

Таращась в затылок Мелани, я вожусь с ремнем безопасности. Не ожидала вот так ее встретить. Я понимала, что рано или поздно это произойдет, раз уж они с бабулей соседки, но я думала, что просто помашу ей рукой, когда буду выносить мусор, но никак не отправлюсь с ней в часовую поездку, едва приземлившись в Вермонте.

– Я сожалею из-за происшествия с вашей мамой, – произносит Мелани, выезжая с территории аэропорта и двигаясь по узкому шоссе, пестрящему дорожными знаками на зеленом фоне. Почти десять часов вечера, и группки строений перед нами мерцают освещенными окнами. – Но я рада, что она получает всю

необходимую помощь. Сейди такая сильная женщина. Уверена, вы скоро с ней воссоединитесь, но надеюсь, что вы хорошо проведете время в Эхо-Ридже. Это милый городок. Я знаю, что Норе не терпится вам его показать.

Вот. Вот как следует вести неловкую беседу. Никакого тебе вступления: «Мне жаль, что ваша мама въехала на своей машине в ювелирный магазин, находясь под сильным воздействием опиоидов, и теперь вынуждена проходить четырехмесячный курс реабилитации». Просто обозначь неприятную тему, отойди в сторону и плавно переместись в более спокойные воды разговора.

Добро пожаловать в Эхо-Ридж.

Вскоре после выезда на автостраду я засыпаю и не шевелюсь, пока резко не просыпаюсь от громкого шума. Такое впечатление, будто машину со всех сторон забрасывают камнями. В растерянности я поворачиваюсь к Эзре, но он также ничего не понимает. Бабуля поворачивается на своем сиденье и кричит, чтобы перекрыть грохот.

– Град. Не такая уж редкость в это время года. Хотя довольно крупный в этот раз.

– Я останавлиюсь, пусть пройдет, – кричит Мелани.

Она сворачивает с дороги в парк. Град припускает сильнее, и я невольно думаю, что потом Мелани обнаружит на своей машине сотни крохотных сколов. Одна особенно крупная градина ударяет прямо в центр лобового стекла, так что все мы вздрагиваем.

– Почему идет град? – спрашиваю я. – В Берлингтоне же было жарко.

– Град формируется в облачном слое, – объясняет бабуля, показывая на небо. – Там температура минусовая. Но на земле градины быстро растут.

Теплоты в ее голосе нет – не уверена, что бабуля вообще способна на такое чувство, – но впервые за вечер он звучит оживленно. По профессии бабуля учитель, и очевидно, что в этой роли она чувствует себя более комфортно, чем в роли бабушки-опекуни. Но я ее не виню. Ей придется терпеть нас в течение шестнадцати недель лечения, предписанного Сейди судом, и наоборот. Судья настоял, чтобы мы жили с родственниками, что резко ограничило наши возможности. Наш отец был мужчиной на одну ночь – каскадер, ну, или так он себя называл в течение двух часов страсти, которые они с Сейди провели вместе после знакомства в каком-то клубе в Лос-Анжелесе. У нас нет ни теток, ни дядьев, ни двоюродных братьев и сестер. Ни одной способной приютить нас живой души, за исключением бабули.

Несколько минут мы сидим в молчании, наблюдая, как градины отскакивают от капота машины, пока интенсивность града не снижается и он наконец не прекращается совсем. Мелани возвращается на дорогу, и я смотрю на часы на приборной доске. Скоро одиннадцать; я проспала почти час. Ткнув Эзру в бок, я спрашиваю:

– Мы уже почти на месте, да?

– Почти, – отвечает Эзра. Понижает голос. – Какая насыщенная жизнь в пятницу вечером. Сколько миль проехали и не встретили ни одного здания.

За окном непроглядная тьма, и, даже несколько раз протерев глаза, я смутно вижу только расплывчатые силуэты деревьев. Однако я не оставляю попыток, потому что хочу увидеть место, из которого Сейди уехала при первой же возможности. «Это похоже на жизнь внутри почтовой открытки, – говаривала она. – Красивое, солнечное и замкнутое пространство. Все в Эхо-Ридже живут так, будто ты исчезнешь, если осмелишься пересечь границу».

Колесо автомобиля попадает в выбоину, меня бросает в сторону, и ремень безопасности впивается в шею. Эзра зевает так сильно, что щелкает челюстью. Уверена, что, пока я спала, он чувствовал себя обязанным бодрствовать и поддерживать беседу, хотя уже несколько дней мы оба толком не спали.

– До дома меньше мили. – Мы оба вздрагиваем от голоса бабули, донесшегося с переднего сиденья. – Мы только что проехали баннер «Добро пожаловать в Эхо-Ридж», хотя он так плохо освещен, что, думаю, вы его даже не заметили.

Она права. Я не заметила, хотя делала мысленную заметку не пропустить его. Этот самый баннер, о котором, в числе немногих других вещей, связанных с Эхо-Риджем, Сейди вообще говорила, обычно после нескольких бокалов вина. «Население 4935 человек. Никогда не менялось за все восемнадцать лет, что я там прожила, – говорила она с ухмылкой. – По-видимому, если ты собираешься кого-то привезти, сначала нужно кого-то увезти».

– Эстакада, Мелани.

В голосе бабули звучит предостережение.

– Я знаю.

Дорога резко поворачивает, когда мы проезжаем под аркой из серого камня, и Мелани до предела снижает скорость. Фонарей на этом участке дороги нет, и она включает дальний свет.

– Нет пассажира хуже бабули, – шепчет Эзра.

– Правда? – тоже шепотом отвечаю я. – Но Мелани так осторожно ведет.

– Если только мы не стоим на красный свет, мы едем слишком быстро.

Я фыркаю как раз в тот момент, когда моя бабушка рявкает: «Стой!» – таким приказным тоном, что мы с Эзрой вздрагиваем. На долю секунды я думаю, что ее слух улавливает ультразвуковые частоты и ее раздражает наша несдержанность. Затем Мелани бьет по тормозам, остановив автомобиль так резко, что я ныряю вперед, натянув ремень безопасности.

– Какого?.. – одновременно произносим мы с Эзрой, но Мелани и бабуля уже отстегнули свои ремни и выбрались из машины.

Мы растерянно переглядываемся и тоже вылезаем наружу. На земле вокруг нас лужи полурастаявшего града, и я обхожу их, направляясь к бабушке. Она стоит перед автомобилем Мелани, уставившись на участок дороги, ярко освещенный фарами.

И на неподвижную фигуру, лежащую как раз посередине дороги. Это мужчина, весь в крови, шея повернута под ужасно неестественным углом, а широко открытые глаза смотрят в никуда.

Глава 2

Эллери

Суббота, 31 августа

Меня будит солнце, пробивающееся сквозь жалюзи, которые купили явно не за их способность затенять комнату. Но я неподвижно лежу под тонким вязаным покрывалом и мягкими, как лепестки цветов, простынями, пока не раздастся тихий стук в дверь.

– Да?

Пока Эзра входит, я сажусь, безуспешно пытаюсь убрать упавшие на глаза волосы. Посеребренные часы на ночном столике показывают 9:50, но поскольку я все еще живу по времени Западного побережья, то чувствую, что не выспалась.

– Привет, – говорит Эзра. – Бабуля попросила тебя разбудить. Сюда едет сотрудник полиции. Он хочет поговорить с нами о прошлом вечере.

О прошлом вечере. Мы оставались с мужчиной на дороге, сидя вокруг него на корточках, среди темных луж крови, пока не приехала «Скорая». Сначала я не могла заставить себя посмотреть ему в лицо, но, сделав это, уже не могла оторвать взгляда. Он был такой молодой. Не больше тридцати, в спортивном костюме и кроссовках. Мелани, она же медсестра, оказывала ему первую помощь до приезда фельдшеров, но скорее потому, что надеялась на чудо, а не потому, что полагала, будто ее действия помогут. Когда мы вернулись в бабулин автомобиль, она сказала, что мы нашли его уже мертвым.

– Джейсон Баумен, – дрожащим голосом произнесла она. – Он... был... учителем по естествознанию в средней школе Эхо-Риджа. И с марширующим оркестром помогал. Любимец учеников. Вы бы познакомились... должны были познакомиться с ним на следующей неделе.

Полностью одетый, с влажными после душа волосами, Эзра бросает на кровать маленький пластиковый пакет, возвращая меня к действительности.

– Еще она велела передать тебе это.

На лицевой стороне запечатанного пакета красуется логотип «Хейнс» и фотография улыбающейся блондинки в спортивном лифчике и трусах, доходящих ей до талии.

– О нет!

– О да. В буквальном смысле бабушкины трусики.

Бабуля говорит, что по ошибке купила на пару размеров меньше и забыла вернуть. Теперь они твои.

– Фантастика, – бормочу я, свешивая ноги с кровати.

На мне футболка, которую я пододела вчера под свитер и Эзрины тренировочные штаны с подвернутыми штанинами. Когда я узнала, что поеду в Эхо-Ридж, то перебрала весь свой гардероб и без жалости отдала на благотворительность все, что не носила последние несколько месяцев. Я до такой степени урезала свой гардероб, что все, за исключением немногочисленных пальто и обуви, уместилось в один чемодан. В тот момент мне казалось, что я вношу порядок и контролирую хотя бы одну маленькую часть своей жизни.

Теперь это, разумеется, означает, что мне нечего надеть.

Я беру с прикроватного столика свой телефон и проверяю, нет ли сообщения или голосовой почты насчет моего багажа.

– Почему ты так рано встал? – спрашиваю я брата.

Он пожимает плечами.

– Да вообще-то не так уж и рано. Я погулял по окрестностям. Тут мило. Очень зелено. Выложил в «Инстаграм» пару постов. И составил плей-лист.

Я складываю на груди руки.

– Только не говори, что это очередной плей-лист Майкла.

– Нет, – оправдывается Эзра. – Это музыкальное приношение Северо-Востоку. Ты удивишься, сколько есть песен с каким-нибудь штатом Новой Англии в названии.

– Угу.

Друг Эзры, Майкл, загодя разорвал с ним отношения за неделю до нашего отъезда, потому что, по его словам, «отношения не выдерживают расстояний». Эзра пытается демонстрировать безразличие, но после этого события составил несколько серьезных эмо-плей-листов.

– Не осуждай. – Взгляд Эзры перемещается к книжной полке, где «Хладнокровное убийство» соседствует с моей коллекцией детективов Энн Рул, «Смертельным видением», «Полночью в саду добра и зла» и остальными моими книгами о настоящих преступлениях. Они – единственное, что я достала вчера

вечером из коробок, составленных в углу комнаты. – У всех свой защитный механизм.

Он выходит из комнаты, и я обвожу взглядом незнакомое пространство, в котором мне предстоит прожить следующие четыре месяца. Вчера, когда мы приехали, бабуля сказала, что я буду спать в старой комнате Сейди. Открывая дверь, я и предвкушала, и нервничала, гадая, какой намек на то, что здесь раньше жила моя мать, я там найду. Но я вошла в стандартную гостевую спальню, лишенную какой бы то ни было индивидуальности. Мебель темного дерева, стены цвета светло-коричневой яичной скорлупы. Никаких украшений, если не считать кружевных штор, клетчатого коврика на полу и эстампа с маяком, в рамке. От всего слабо пахнет лимонным моющим средством и кедром. Когда я пытаюсь представить Сейди здесь – укладывающей волосы перед потускневшим зеркалом туалетного столика или выполняющей домашнее задание за старомодным письменным столом, – у меня ничего не получается.

То же самое в комнате Эзры. Ни намек на то, что в этом доме когда-либо жила девочка-подросток.

Я опускаюсь на пол рядом с багажными коробками и роюсь в ближайшей, пока не нахожу завернутые в целлофан фотографии в рамках. На первой, которую я разворачиваю, мы с Эзрой стоим на пирсе в Санта-Монике в прошлом году, позади нас горит идеальный закат. Декорации роскошные, но я вышла не очень-то хорошо. Я была не готова сниматься, и напряженное выражение моего лица не сочетается с широкой улыбкой Эзры. Но все же я сохранила эту фотографию, потому что она напомнила мне о другом снимке.

Я достаю этот, другой – зернистый и совсем давнишний, на нем две девочки-подростка, идентичные близнецы, с длинными, кудрявыми, как у меня, волосами, одетые в стиле гранж девятидесятых годов. Одна из девочек широко улыбается, другая стоит с раздраженным видом. Моя мать и ее сестра-близнец Сара. Тогда им было семнадцать лет, ученицы выпускного класса средней школы Эхо-Риджа, в которую вот-вот отправимся мы с Эзрой. Через несколько недель после того, как было сделано это фото, Сара исчезла.

Прошло двадцать три года, и никто не знает, что с ней случилось. Или, возможно, точнее будет сказать, что если кто-то что-то и знает, то не говорит.

Я ставлю фотографии рядом на книжную полку и размышляю над высказыванием Эзры вчера вечером в аэропорту, вдогонку истории рождения Энди, которую тот поведал нам с излишней откровенностью. Как, однако, наверное, странно расти с этим, а? Зная, что не тем близнецом вполне мог оказаться ты.

Сейди никогда не любила говорить о Саре, невзирая на мой интерес. Ее фотографий в квартире у нас не было; мне пришлось найти эту в Интернете. Мое увлечение детективными историями, основанными на подлинных событиях, по-настоящему началось со смерти Лейси, но с тех пор, как я стала достаточно взрослой, чтобы понимать, что случилось с Сарой, я была одержима ее исчезновением. Ничего страшнее я придумать не могла – твой близнец пропадает и так и не возвращается.

Улыбка Сейди на фото такая же ослепительная, как у Эзры. Тогда она была звездой – популярная королева осеннего бала, совсем как Лейси. И с тех пор

она так и старается быть звездой. Не уверена, что даже при поддержке сестры Сейди добилась бы большего, чем десяток проходных ролей. Но я точно знаю, что мать чувствует себя опустошенной. Когда ты приходишь в мир вместе с другим человеком, он такая же часть тебя, как твое сердце.

Моя мать пристрастилась к обезболивающим по куче причин – растяжение плеча, неприятный разрыв отношений, очередная упущенная роль, переезд в самую убогую из наших квартир в сороковой день рождения, – но я не могу отделаться от мысли, что все началось с исчезновения той серьезной девочки на фото.

Внизу звонят в дверь, и я едва не роняю фотографию. Я совершенно забыла, что должна подготовиться к встрече с сотрудником полиции. Я смотрю в зеркало на туалетном столике и подмигиваю своему отражению. Мои волосы похожи на парик, а все средства для выпрямления волос остались в заблудившемся чемодане. Я собираю свои кудри в хвост, затем закручиваю и подворачиваю густые пряди, пока не укладываю все концы в низкий пучок без помощи резинки. Это один из первых трюков с волосами, которому научила меня Сейди. Когда я была маленькой, мы стояли перед двойной раковиной в ванной комнате и я наблюдала за матерью в зеркало, чтобы копировать быстрые, ловкие движения ее рук.

Мой взгляд делается настороженным, когда я слышу, как кричит снизу бабуля:

– Эллери? Эзра? Пришел офицер Родригес.

Эзра уже в коридоре, когда я выхожу из своей комнаты, и мы спускаемся в кухню. Спинной к нам стоит темноволосый мужчина в синей форме, он принимает из рук бабули кружку с кофе. Бабушка кажется сошедшей со страниц каталога «Л.Л.Бин» в брюках хаки, сабо и свободной оксфордской рубашке в горизонтальную полоску.

– Может, город наконец сделает что-то с этой эстакадой, – произносит бабуля, потом ловит мой взгляд поверх плеча полицейского. – А вот и они. Райан, это мои внучка и внук. Эллери и Эзра, познакомьтесь с офицером Райаном Родригесом. Он живет на нашей улице и зашел задать нам несколько вопросов о вчерашнем вечере.

Офицер поворачивается к нам с полуулыбкой, которая застывает, при этом он роняет кружку с кофе, которая разбивается. Секунду никто из нас не реагирует, а затем все разом бросаются действовать – хватают бумажные полотенца и собирают осколки керамической кружки с пола, выложенного черными и белыми плитками.

– Прошу прощения, – повторяет офицер Родригес. Он лет на пять старше нас с Эзрой, не больше, и у него такой вид, будто он и сам не вполне уверен в своей взрослости. – Не понимаю, как это случилось. Я куплю новую кружку.

– О, бога ради, – сухо отвечает бабуля. – У «Далтона» такие стоят два доллара. Сядьте, и я налью вам другую. Вы тоже, дети. На столе сок, если хотите.

Мы все рассаживаемся за кухонным столом, аккуратно накрытым на троих – салфетки под горячее, столовые приборы и стаканы. Офицер Родригес достает

из нагрудного кармана блокнот и, нахмурившись, листает. Его лицо кажется встревоженным, которое кажется встревоженным даже сейчас, когда он не занимается битьем бабушкиной посуды.

– Спасибо, что нашли время сегодня утром. Я только что из дома Килдаффов, и Мелани рассказала мне, что произошло вчера вечером у эстакады на Фалкерсон-стрит. К сожалению, это похоже на наезд и бегство с места происшествия. – Бабуля подает ему другую кружку кофе и садится рядом с Эзрой, а офицер Родригес, поблагодарив, делает глоток. – Спасибо, миссис Коркоран. Поэтому нам очень поможет, если все вы расскажете мне обо всем, что заметили, даже если это не кажется вам важным.

Я выпрямляюсь на стуле, а Эзра закатывает глаза. Он точно знает, что происходит в моей голове. Несмотря на страшное событие прошлого вечера, я не могу не чувствовать легкого возбуждения оттого, что участвую в настоящем полицейском расследовании. Я полжизни ждала этого момента.

К сожалению, толку от меня мало, поскольку я ничего не помню, кроме того как Мелани пыталась помочь мистеру Баумену. Не больше пользы и от Эзры. Бабуля единственная, кто обратила внимание на мелкие детали – на то, что рядом с мистером Бауменом валялись зонтик и коробка фирмы «Таппервеар». А что касается полицейских следователей, то Райан Родригес меня разочаровывает. Он повторяет одни и те же вопросы, едва не опрокидывает свою новую кружку с кофе и постоянно запинаясь на фамилии Мелани. К тому времени, когда он благодарит нас и бабуля провожает его до входной двери, я убеждена, что ему потребуется еще несколько лет практики, прежде чем его снова выпустят на самостоятельное задание.

– Какой-то он неорганизованный, – заявляю я, когда бабуля возвращается на кухню. – Местные жители воспринимают его всерьез как полицейского?

Бабушка достает из соседнего с плитой шкафа сковородку и ставит на переднюю конфорку.

– Райан вполне дееспособен, – деловито говорит она, доставая из холодильника масленку. Ставит ее на стол, отхватывает здоровый кусок сливочного масла и кладет на сковородку. – Может, он и кажется немного рассеянным. Два месяца назад у него умер отец. От рака. Они были очень близки. А за год до этого умерла его мать, одно к одному в этой семье. Райан самый юный и единственный, кто все еще здесь живет. Думаю, ему одиноко.

– Он жил с родителями? – спрашивает Эзра. – Сколько же ему лет?

Мой брат осуждает взрослых, продолжающих жить с родителями. Он, подобно Сейди, будет одним из тех, кто уезжает, едва на аттестате о среднем образовании высыхают чернила. У него составлен план на десять лет, включающий в себя самую неблагоприятную работу на радио, а в свободное время подработку диджеем, пока он не наберется достаточно опыта, чтобы вести собственную программу. Я стараюсь не впадать в панику, когда представляю, как брат оставляет меня заниматься... неизвестно чем.

– Кажется, двадцать один год. Или двадцать три, – говорит бабуля. – Все дети Родригесов жили дома, пока учились в колледже. Райан остался, узнав, что его отец заболел.

Эзра виновато пожимает плечами, а я наостряю уши.

– Двадцать три? – повторяю я. – Он учился в одном классе с Лейси Килдафф?

– Кажется, так, – отвечает бабуля, разбивая яйца на шипящую сковородку.

Я колеблюсь. Я едва знаю свою бабушку. Мы никогда не разговаривали о моей пропавшей тете во время натянутых, нечастых разговоров по «Скайпу», и я понятия не имею, была ли смерть Лейси чересчур болезненной для нее из-за того, что случилось с Сарой. Может, мне следует держать рот на замке, но...

– Они дружили? – выпаливаю я.

На лице Эзры появляется выражение «ну, началось».

– Не могу сказать. Разумеется, друг друга они знали. Райан рос по соседству, и они оба работали на... «Ферме страха». – Пауза перед новым названием настолько мала, что я едва ее замечаю. – Большинство из городских детей там работали. И по-прежнему работают.

– Когда она открывается? – спрашивает Эзра. Он глядит на меня так, будто делает мне одолжение, но мог и не беспокоиться. Я посмотрела расписание в Интернете, как только узнала, что мы переезжаем в Эхо-Ридж.

– В следующие выходные. Как раз перед началом занятий в школе, – говорит бабуля. Занятия в школе Эхо-Риджа начинаются позже всех других мест, где мы учились, очко в ее пользу. В Ла-Пуэнте мы бы уже учились две недели до Дня труда. Бабуля указывает лопаточкой на кухонное окно над раковиной, которое выходит на лес за домом. – Вы услышите, как только она откроется. До нее десять минут пешком через лес.

– Да? – У Эзры озадаченный вид. У меня тоже, но в основном из-за его полной неспособности собрать информацию. – Значит, Килдаффы по-прежнему живут прямо за тем местом, где их дочь... где кто-то... э...

Он умолкает, когда бабуля поворачивается к нам с двумя тарелками, на каждой из которых высится громадная порция воздушного омлета, и ставит их перед нами. Мы с Эзрой удивленно переглядываемся. Не припомню, когда кто-то из нас ел что-то на завтрак, кроме кофе. Но от аппетитного запаха мой рот наполняется слюной, а в животе урчит. С тех пор как на ужин в полете я сжевала три батончика «Кайнд», больше я ничего не ела.

– Ну. – Бабуля садится между нами и наливает себе апельсинового сока из керамического кувшина на столе. Из кувшина. А не из пакета. Несколько секунд я трачу на то, чтобы понять, зачем трудиться и переливать сок из пакета в кувшин, пока не делаю глоток из своего стакана и понимаю, что сок – свежесжатый. Неужели бабуля и Сейди родственницы? – Это их дом. У двух младших девочек полно друзей в нашем квартале.

– Сколько им лет? – спрашиваю я.

Мелани была не только любимой няней у Сейди; в школе она была почти что ее наставницей... и практически единственным человеком из Эхо-Риджа, о ком вообще говорила моя мать. Но я по-прежнему мало о ней знаю, кроме того что ее дочь убили.

– Каролине двенадцать, Джулии – шесть, – отвечает бабуля. – Между ними довольно большой разрыв, как и между Лейси и Каролиной. У Мелани всегда были трудности с зачатием. Но, полагаю, в этом есть и хорошая сторона. Девочки были так малы, когда погибла Лейси, что уход за ними был единственным, что поддерживало Мелани и Дэна в то страшное время.

Эзра отсекает уголок омлета и выпускает облачко пара.

– У полиции так и не было никаких подозреваемых в убийстве Лейси, да? – интересуется он.

– Не было, – говорит бабуля.

– Ее парень, – одновременно с ней произношу я.

Бабуля неторопливо пьет сок.

– Многие так думали. Думают, – уточняет она. – Но Деклан Келли не был официальным подозреваемым. Да, его допрашивали. Неоднократно. Но так и не задерживали.

– Он все еще живет в Эхо-Ридже? – спрашиваю я.

Она качает головой.

– Он уехал из города сразу после окончания школы. Уверена, так лучше для всех, кто с этим связан. Данная ситуация оказала огромное влияние на его семью. Отец Деклана уехал сразу после сына. Я думала, что мать и брат последуют за ними, но... у них все сложилось по-другому.

Я замираю, не донеся вилку до рта.

– Брат?

Не знала, что у парня Лейси был брат; в новостях мало говорилось о его семье.

– У Деклана есть младший брат, Малкольм. Примерно вашего возраста, – говорит бабуля. – Я плохо его знаю, но он, похоже, посноснее. Во всяком случае, не расхаживает по городу так, будто он принадлежит ему, как это делал его братец.

Я наблюдаю, как она аккуратно кладет в рот кусочек омлета, и жалею, что не могу читать ее мысли, чтобы понять, так ли переплетены в ее мыслях Лейси и Сара, как у меня. С момента исчезновения Сары прошло столько времени; почти четверть века никаких известий. Родителям Лейси не хватает других деталей – они знают что, когда и как, но не кто и почему.

– Ты думаешь, что Деклан Келли виновен? – спрашиваю я.

Бабуля хмурится, словно внезапно весь этот разговор делается ей неприятным.

– Я этого не сказала. Против него никогда не было серьезных улик.

Не отвечая, я беру солонку. Может, это и правда, но если годы, проведенные за чтением книг о подлинных преступлениях и просмотром сериала о них же чему-то меня и научили, так это тому, что всегда виноват парень.

Глава 3

Малкольм

Среда, 4 сентября

Моя накрахмаленная рубашка стоит колом. Она практически трескается, когда я сгибаю руки, чтобы накинуть на шею галстук. Я смотрю в зеркало на свои руки, безуспешно пытаюсь завязать узел ровно, и оставляю эту затею, добившись хотя бы его нормального размера. Зеркало выглядит старым и дорогим, как всё в доме Нилссонов. В нем отражается спальня, в которой поместились бы три моих прежних. И по меньшей мере половина квартиры Деклана.

«Ну, и как тебе живется в этом доме?» – вчера вечером спросил меня брат, подбирая с тарелки остатки именинного торта, пока мама была в ванной. Мама привезла связку воздушных шаров, которые в прихожей Нилссонов показались крохотными, но постоянно стукались о голову Деклана в тесной нише, которую он называет кухней.

«Дерьмово», – ответил я. И это правда. Но не более дерьмово, чем последние пять лет. Большую их часть Деклан провел в четырех часах пути от нас, в Нью-Гэмпшире, снимая у нашей тетки квартиру в цокольном этаже.

Резкий стук в дверь моей комнаты и скрип петель, когда моя сводная сестра, не дожидаясь ответа, просовывает голову в дверь.

– Ты готов? – спрашивает она.

– Да, – отвечаю я, беря с кровати синий пиджак и надевая его.

Кэтрин наклоняет голову набок и хмурится, до белизны светлые волосы рассыпаются по плечам. Я знаю этот взгляд: «С тобой что-то не так, и я сейчас скажу тебе, что именно не так и как это исправить». Я уже несколько месяцев с ним сталкиваюсь.

– У тебя криво завязан галстук, – говорит она, каблучки стучат по полу, когда она направляется ко мне с вытянутыми руками. Пока она подтягивает узел, на переносице у нее возникает морщинка, которая исчезает, когда Кэтрин, отступив на шаг, оглядывает свою работу. – Вот так, – произносит она, с удовлетворенным видом похлопывая меня по плечу. – Гораздо лучше. – Ладонь Кэтрин скользит по моей груди, бледно-розовыми ноготками сестра снимает с пиджака пушинку и, разжав их, роняет ее на пол. – Ты хорошо поработал над своей внешностью, Мэл. Кто бы мог подумать?

Только не она. Кэтрин Нилссон едва разговаривала со мной до того, как ее отец начал встречаться с моей матерью прошлой зимой. Она королева старших классов школы Эхо-Риджа, а я ботаник из оркестра и из сомнительной семьи. Но теперь, когда мы живем под одной крышей, Кэтрин приходится признавать мое существование. Она справляется с этим, то опекая меня, то обращаясь со мной, как с досадной помехой, в зависимости от настроения.

– Идем, – говорит она и легонько тянет меня за рукав.

Черное платье Кэтрин плотно облегает ее складную фигуру, но не поднимается выше колен. Сестра выглядела бы почти консервативно, если бы не остроносые туфли на высоких каблуках, которые буквально притягивают взгляд к ее ногам. И мой тоже. Что я и делаю. Моя новоиспеченная сводная сестра, может, и стерва, но, без сомнения, сексуальна.

Следом за Кэтрин я выхожу в коридор, к лестнице, которая балконом идет над внушительной прихожей внизу. Моя мать и Питер ждут нас у нижней ступеньки, и я опускаю глаза, потому что всякий раз, когда они стоят так близко, его руки обычно находятся там, где я не хочу их видеть. Кэтрин и ее суперкачок парень меньше нарушают общественные приличия, чем эти двое.

Но мама счастлива, и я думаю, что это хорошо.

Питер поднимает на нас глаза и перестает щупать мою мать.

– Вы оба отлично выглядите! – громко обращается он к нам.

Он тоже в костюме, в таком же темно-синем, как мой, только его костюм шит на заказ и сидит на нем идеально. Питер похож на ожившего идеального красавца из рекламы часов в журнале «Джи-Кью» – квадратная челюсть, пронизывающий взгляд, волнистые светлые волосы, едва тронутые сединой. Никто не мог поверить, что он заинтересовался моей матерью, когда они начали встречаться. Еще больше все были шокированы, когда он на ней женился.

Он их спас. Вот что думает весь город. Питер Нилссон, богатый и обаятельный владелец единственной юридической фирмы в городе, превратил нас из городских отверженных в городскую знать с помощью одной, со вкусом обставленной церемонии с участием мирового судьи в клубе «Эхо-Ридж-лэйк». И может, так и есть на самом деле. Люди больше не сторонятся моей матери, не шепчутся у нее за спиной. Ее приглашают в садовый клуб, в школьные комитеты, на сегодняшний вечер по сбору средств и привлекают к участию во всякой прочей чуши.

Однако это не означает, что я должен его любить.

– Хорошо, что ты вернулся, Малкольм, – добавляет он, и даже кажется, что он искренен.

Мы с мамой уезжали на неделю, навещали родных в нескольких городах Нью-Гэмпшира и напоследок заехали к Деклану. Питер и Кэтрин остались дома. Отчасти из-за его работы, а отчасти потому, что ни один из них не покидает Эхо-Ридж, если в том месте нет обслуживания в номерах и спа.

– Вы обедали с мистером Коутсом, пока нас не было? – резко спрашиваю я.

Питер слегка раздувает ноздри, это единственный признак раздражения, который он вообще демонстрирует.

– Обедал в пятницу. Он все еще налаживает свой бизнес, но в надлежащее время он будет рад поговорить с Декланом. Я продолжу поддерживать с ним связь.

Одно время Бен Коутс был мэром Эхо-Риджа. Потом вышел в отставку и открыл в Берлингтоне фирму по политическому консалтингу. Деклану осталось несколько – ну, ладно, куча – зачетов до получения диплома в своем политехническом колледже, но он все еще надеется получить рекомендацию. Это его единственная за все время просьба к Питеру. Или, скорее, к маме, потому что на самом деле Деклан и Питер не общаются.

Мама улыбается Питеру, и я не настаиваю. Кэтрин выходит вперед и касается ожерелья из перекрученных бус у мамы на шее.

– Как это мило! – восклицает она. – Очень артистично. Такое приятное разнообразие по сравнению со всеми этими жемчугами, которые мы увидим сегодня вечером.

Мамина улыбка тускнеет.

– У меня есть жемчуг, – нервно произносит она, глядя на Питера. – Мне...

– Все в порядке, – быстро говорит он. – Ты прекрасно выглядишь.

Я готов убить Кэтрин. Не буквально, конечно. Но мне все время приходится себе об этом напоминать, учитывая историю нашей семьи. Но я не понимаю ее постоянную потребность поддеть мою маму ехидными замечаниями. Она не разлучала родителей Кэтрин; она третья жена Питера. Мать Кэтрин уехала в Париж с новым мужем задолго до первого свидания мамы и Питера.

И Кэтрин должна знать, что мама переживает из-за сегодняшнего мероприятия. Мы никогда не участвовали в сборе средств для стипендии в честь Лейси Килдафф. Потому что в основном, что нас никогда не приглашали.

Или не желали видеть.

Ноздри Питера снова вздрагивают.

– Давайте-ка пойдем. Мы опаздываем.

Он открывает дверь и пропускает нас вперед, одновременно нажимая кнопку на автомобильном брелоке. Двигатель его черного «Рейндж Ровера» на подъездной дорожке заводится, и мы с Кэтрин забираемся на заднее сиденье. Мама устраивается на пассажирском месте впереди и переключает радио со станции «Топ 40», которую Кэтрин любит слушать на полную громкость, на «Национальное общественное радио». Питер садится последним и пристегивается, прежде чем тронуться с места.

Извилистая подъездная дорожка Нилссонов самая длинная часть пути. После нее – несколько быстрых поворотов, и мы в центре Эхо-Риджа. Если можно так выразиться. Ничего особенного тут нет – по обе стороны Манчестер-стрит ряд красных кирпичных домов с белой отделкой, а вдоль них старомодные чугунные фонарные столбы. Здесь всегда мало народу, но особенно пустынно вечером в среду перед началом учебного года. Полгорода все еще на каникулах, а другая половина участвует в сборе средств в культурном центре Эхо-Риджа. Именно здесь происходят все значимые события города, если не в доме Нилссонов.

В нашем доме. Не могу к этому привыкнуть.

Питер производит параллельную парковку на Манчестер-стрит, и мы высаживаемся на тротуар. Мы как раз напротив похоронного бюро О'Нейлла, и Кэтрин вздыхает, когда мы идем мимо бледно-голубого здания в викторианском стиле.

– Очень жаль, что тебя не было на заупокойной службе по мистеру Баумену, – говорит она. – Все прошло очень хорошо. Школьный хор спел «Учителю с любовью», и все расплакались.

У меня сжимается сердце. Мистер Баумен был моим любимым учителем в Эхо-Ридже, самым любимым. Он умел тихо подметить твою сильную сторону и поощрить тебя на ее совершенствование. После отъезда Деклана и бегства отца, когда меня переполняла негативная энергия и некуда было ее приложить, именно он предложил мне заняться ударными. Мне просто нехорошо делается при мысли о том, что кто-то сбил его и оставил умирать посреди дороги.

– Зачем он вообще вышел на улицу в град? – спрашиваю я, потому что легче сосредоточиться на этом, чем постоянно чувствовать себя дерьмом.

– Рядом с ним нашли пластиковый контейнер, – говорит Питер. – Кто-то из учителей на похоронах сказал, что, возможно, он собирал пожертвования на урок об изменении климата, который он планировал провести. Но, полагаю, мы никогда точно не узнаем.

И теперь мне еще хуже, потому что я представляю: мистер Баумен выходит из дома поздно вечером, с зонтиком и пластмассовым контейнером, воодушевленный, потому что собирается сделать науку реальной. Он много говорил на эту тему.

Через пару кварталов деревянная табличка с золотой каймой приглашает нас в культурный центр. Это самое внушительное из всех кирпичных зданий, с башней с часами и широкой лестницей, ведущей к резной деревянной двери. Я

тянусь к дверной ручке, но Питер опережает меня. Всегда. Этого парня не переджентельменишь. Мама благодарно улыбается ему и входит.

Женщина у дверей направляет нас по коридору к просторному помещению, в котором стоит несколько десятков круглых столов. Кое-кто из собравшихся сидит, но большинство перемещаются по залу и разговаривают. Несколько человек поворачиваются к нам, а потом, как костяшки домино, поворачиваются и все остальные.

Этого момента в Эхо-Ридже ждали: впервые за пять лет члены семьи Келли пришли на вечер памяти Лейси Килдафф.

Девушки, в убийстве которой большинство жителей города по-прежнему считают виновным моего брата.

– О, здесь Тео, – бормочет Кэтрин и смешивается с толпой, направляясь к своему парню.

Вот и вся солидарность. Моя мать нервно облизывает губы. Питер берет ее под руку и широко, ослепительно улыбается. На секунду я почти проникаюсь к этому парню симпатией.

Лейси и Деклан ссорились в течение нескольких недель перед ее смертью; обычно Деклан вел себя, как высокомерный болван, но только не со своей девушкой. Затем они вдруг начали хлопать дверями, отменять свидания и переругиваться в социальных сетях. Последним злобным постом Деклана на ленте Лейси в «Инстаграме» стало сообщение, которое постоянно показывали в новостях на протяжении нескольких недель после того, как нашли ее тело.

Ты мне до чертовой матери надоела. НАДОЕЛА. Ты даже не представляешь.

Толпа в культурном центре Эхо-Риджа что-то чересчур тиха. Даже улыбка Питера делается немного напряженной. А я предполагал, что у Нилссонов более прочные доспехи. Я уже готов что-нибудь сказать или выкинуть какой-то отчаянный номер, чтобы разрядить напряжение, когда слышу обращенный к нам приветливый голос:

– Здравствуй, Питер. И Алисия! Малкольм! Хорошо, что вы оба пришли.

Это мама Лейси, Мелани Килдафф, она идет к нам, широко улыбаясь. Обнимает сначала мою мать, потом меня, а когда отстраняется, никто уже на нас не пялится.

– Спасибо, – бормочу я.

Мне неизвестно, что Мелани думает о Деклане; она никогда не говорила. Но после смерти Лейси, когда, казалось, весь мир ненавидит мою семью, Мелани всегда была подчеркнуто доброжелательна с нами. Простого «спасибо» явно недостаточно, но Мелани касается моей руки, словно этого даже слишком много, а потом поворачивается к маме и Питеру.

– Пожалуйста, садитесь, где хотите, – говорит она, указывая на столы. – Ужин вот-вот начнут подавать.

Она отходит от нас и направляется к столу, где сидят ее родные, соседи и пара ребят моего возраста, которых я никогда раньше не видел. Что достаточно необычно для нашего городка, и поэтому я всячески пытаюсь получше их разглядеть. Парень мне не очень хорошо виден, а вот девушку не заметить трудно. У нее буйная копна кудрявых волос, которые кажутся неживыми, и странное платье в цветочек, словно извлеченное из бабушкиного сундука. Может, это ретро, не знаю. Кэтрин и под страхом смерти такое не наденет. Девушка встречается со мной взглядом, и я сразу отвожу глаза. Будучи последние пять лет братом Деклана, я усвоил одно: никому не нравится, когда на него пристально смотрит один из братьев Келли.

Питер делает шаг к столикам первого ряда, но в этот момент возвращается Кэтрин и тянет его за руку.

– Давай сядем за стол Тео, а, пап? Там полно места. – Питер колеблется – ему нравится быть ведущим, а не ведомым, – и Кэтрин пускает в ход свой самый умоляющий тон. – Ну пожалуйста. Я целую неделю его не видела, а его родители хотят поговорить с тобой про то постановление о светодоре.

Умеет же она. Больше всего на свете Питер любит всесторонне обсуждать всякую лабуду, которой занимается городской совет и которая на любого другого нагоняет смертельную скуку. Он снисходительно улыбается и меняет курс.

Когда мы подходим, за столом на десять персон сидят только парень Кэтрин – Тео – и его родители. Мы с Тео вместе с детского сада, но он, как обычно, смотрит сквозь меня и машет рукой кому-то за моей спиной.

– Привет, Кайл! Давай сюда.

О черт.

Лучший друг Тео, Кайл, садится между ним и моей матерью, а рядом со мной скрежещет ножками по полу стул, на который усаживается крупный седеющий блондин. Чэд Макналти, отец Кайла и полицейский офицер, расследовавший убийство Лейси. Мало нам неловкости для одного вечера. Моя мать делается похожей на загнанного оленя, что случается всегда, когда рядом оказываются члены семьи Макналти, и Питер раздувает ноздри в сторону ничего не замечающего Тео.

– Здравствуй, Малкольм. – Офицер Макналти разворачивает на коленях салфетку, не глядя на меня. – Как прошло лето?

– Отлично, – выдавливаю я и делаю большой плоток воды.

Офицеру Макналти никогда не нравился мой брат. Деклан три месяца встречался с его дочерью Лиз и бросил ее из-за Лейси, и это настолько расстроило Лиз, что она некоторое время не ходила в школу. В ответ Кайл всегда вел себя со мной как последняя сволочь. Стандартная отстойная ситуация для маленького городка, которая значительно ухудшилась, как только Деклан стал неофициальным подозреваемым в убийстве.

По залу начинают снова официанты, ставя перед каждым тарелку с салатом. Мелани поднимается на возвышение перед столами и встает перед пюпитром, и лицо офицера Макналти приобретает суровое выражение.

– Эта женщина – надежная опора, – произносит он так, словно ждет моего возражения.

– Большое спасибо, что пришли, – говорит Мелани, наклоняясь к микрофону. – Для Дэна, Каролины, Джулии и меня очень большое значение имеет возможность увидеть, насколько вырос Фонд стипендии имени Лейси Килдафф.

Остальное я пропускаю мимо ушей. Не потому, что мне безразлично, а потому, что слишком тяжело это слышать. Из-за того, что все эти годы нас не приглашали, у меня не выработалась защитной реакции. Закончив речь, Мелани представляет студентку предпоследнего курса из Университета Вермонта, которая первой получила эту стипендию. Девушка рассказывает о своих планах в медицинской школе, а перед нами тем временем пустые салатные тарелки сменяются основным блюдом. Когда она заканчивает, все аплодируют и возвращаются к еде. Я равнодушно тычу вилкой в пересушенную курицу, пока Питер разглагольствует насчет светофора. Интересно, можно ли уже отлучиться в туалет?

– Дело в том, что между соблюдением городской эстетики и внесением изменений в транспортные потоки существует хрупкий баланс, – на полном серьезе говорит Питер.

Да. Можно. Я встаю, бросаю свою салфетку на стол и выхожу.

Вымыв руки столько раз, на сколько меня хватило, я покидаю мужской туалет и в нерешительности стою в коридоре между банкетным залом и выходом. При мысли о возвращении за тот стол у меня начинает болеть голова. Еще несколько минут никто меня не хватится.

Я ослабляю галстук и, толкнув дверь, выхожу в темноту. По-прежнему душно, но воздух не такой спертый, как внутри. В подобные вечера мне кажется, что я не могу дышать, что все сделанное моим братом, действительное и предполагаемое, легло на меня тяжелым грузом, когда мне было двенадцать лет, и до сих пор давит. Я стал братом Деклана Келли, прежде чем получил возможность стать кем-то другим, и иногда мне кажется, что никем другим я уже никогда не стану.

Я делаю глубокий вдох и замираю, ощутив слабый химический запах. Он делается сильнее, когда я спускаюсь по ступенькам и иду к лужайке. Спина к свету я мало что вижу и едва не падаю, споткнувшись о какой-то предмет в траве. Наклонившись, я поднимаю его. Это открытый баллончик с краской.

Вот что я чувствую: свежую краску. Но откуда этот запах? Я оборачиваюсь к культурному центру. Его хорошо освещенный фасад выглядит таким же, как всегда. Рядом нет больше ничего, что могли бы недавно покрасить, за исключением...

Указатель культурного центра расположен на полпути по лужайке – между зданием и улицей. Приходится подойти почти вплотную, прежде чем мне удастся ясно разглядеть его в тусклом свете ближайшего уличного фонаря.

Обратную сторону указателя сверху донизу покрывают красные буквы, резко выделяющиеся на светлом дереве:

ТЕРРИТОРИЯ УБИЙСТВА

ПРОДОЛЖЕНИЕ

СКОРО

Не знаю, сколько я там стою, уставившись на эту надпись, прежде чем ощущаю присутствие еще кого-то. В нескольких шагах от меня стоит девушка из-за стола Мелани, с кудрявыми волосами и в чудно?м платье. Ее взгляд перескакивает со слов на указателе на баллончик в моей руке, который с грохотом падает на землю, когда я опускаю руку.

– Это не то, что кажется, – говорю я.

Глава 4

Эллери

Суббота, 7 сентября

Как дела?

Я размышляю над сообщением от своей подруги Лурдес. Она в Калифорнии, но не в Ла-Пуэнте. Мы познакомились с ней в шестом классе, что было за три города до того, как мы туда переехали. А может, за четыре. В отличие от Эзры, который легко вливается в коллектив при каждой смене школы, я держусь за свою виртуальную лучшую подругу и поддерживаю личное общение на поверхностном уровне. Таким образом легче двигаться дальше. Во всяком случае, требуется меньше эмо-плей-листов.

Давай посмотрим. Мы здесь неделю, и пока что на первом месте работа во дворе.

Лурдес присылает несколько грустных смайлов, затем добавляет:

Станет лучше, когда начнутся занятия. Ты уже познакомилась с какими-нибудь красавчиками-выпускниками из Новой Англии?

Только с одним. И он не выпускник. И возможно, вандал.

Рассказывай.

Я медлю, не зная, как описать свою встречу с парнем на вечере по сбору средств для фонда Лейси Килдафф, когда мой телефон звонит и высвечивается номер с кодом Калифорнии. Номер незнакомый, но сердце у меня подскакивает, и я быстро строчу Лурдес: Подожди, звонок про мой багаж, надеюсь. Я уже целую неделю в Вермонте, но мой чемодан так до сих пор и не нашелся. Если он не обнаружится в течение следующих двух дней, мне придется пойти в школу в одежде, которую бабушка купила в одном и единственном магазине одежды в Эхо-Ридже. Называется он «Универмаг Дэлтонса», и в нем торгуют еще и товарами для кухни и разными металлическими изделиями, так что сами понимаете, каково его кредо в области моды. Никто старше шести или моложе шестидесяти не должен там одеваться, никогда.

– Алло?

– Эллери, привет! – Я едва не роняю телефон, и когда не отвечаю, голос удваивает свою бодрую настойчивость. – Это я!

– Да, я поняла. – Я как деревянная сажусь на кровать, сжимая телефон во внезапно вспотевшей ладони. – Как ты мне звонишь?

В голосе мамы звучит упрек.

– Ты вроде бы не очень рада меня слышать.

– Просто... я думала, что мы должны начать разговаривать в следующий четверг.

Таковы правила реабилитации, по мнению бабули: пятнадцать минут по «Скайпу» раз в неделю после того, как завершатся две полные недели лечения. А не случайные звонки с неизвестного номера.

– Тут такие нелепые правила, – говорит Сейди. По голосу я прямо-таки слышу, как она закатывает глаза. – Одна из санитарок дала мне свой телефон. Она фанатка «Защитника».

Единственная роль со словами, которую за все время получила Сейди, была в пилотной серии того, что вылилось в классный остросюжетный сериал девяностых – «Защитник», о солдате, который попал в беду и превратился в мстительного киборга. Мать сыграла сексуального робота по имени Зета Волтс, и хотя она произнесла всего одну реплику – Это не стыкуется, – до сих пор существуют веб-сайты, посвященные этому персонажу. – До смерти хочу тебя увидеть, милая. Давай переключимся на видеозвонок.

Я колеблюсь, нажимать или не нажимать «Принять», потому что не готова к этому. Совсем. Но что мне делать, прервать разговор с матерью? Почти моментально лицо Сейди, веселое от предвкушения, заполняет экран. Она выглядит такой же, как всегда – совершенно не похожа на меня, если не считать волос. Глаза у Сейди ярко-синие, а у меня – такие темные, что кажутся черными. Она миловидна, черты лица мягкие, открытые, а у меня сплошные углы и прямые линии. Есть еще одна общая черта, и при виде ямочки на правой щеке матери, когда она улыбается, я заставляю себя улыбнуться в ответ.

– Ну вот и ты! – радостно восклицает она. Затем ее лоб прорезает морщина. – Что с твоими волосами?

У меня сжимается сердце.

– Это действительно самое первое, что ты хочешь мне сказать?

Я не разговаривала с Сейди с тех пор, как она легла в «Гамильтон-хаус», дорогой реабилитационный центр, за который платит бабуля. Если учесть, что Сейди снесла весь фасад магазина, она еще легко отделалась: травм не было ни у нее, ни у кого другого, и дело рассматривал судья, выступающий за лечение вместо тюремного срока. Но мать никогда не отличалась благодарностью. Виноваты все и вся: врач, выписавший ей слишком сильное лекарство, плохое освещение на улице, древние тормоза нашего автомобиля. Только сейчас – когда я сижу в спальне своей бабушки, которую едва знаю, и слушаю, как Сейди критикует мои волосы по телефону человека, которого вполне могут уволить за то, что он дал его матери, – до меня доходит, как же все это бесит.

– О, Эл, конечно, нет. Я просто шучу. Ты прекрасно выглядишь. Как у тебя дела?

Что на это можно ответить?

– Хорошо.

– Что произошло за первую неделю? Расскажи мне все.

Думаю, я могла бы отказаться подыгрывать ей. Но, как только мой взгляд падает на фото Сейди и ее сестры на книжной полке, я чувствую в себе желание порадовать мать. Смягчить ситуацию и заставить ее улыбнуться. Я делала это всю свою жизнь; невозможно остановиться сейчас.

– Дела такие странные, как ты всегда и говорила. Меня уже дважды допрашивала полиция.

Ее глаза округляются.

– Что?

Я рассказываю ей о человеке, которого сбили и уехали, и о граффити на вечере по сбору средств в память Лейси три дня назад.

– Это написал брат Деклана? – возмущенно спрашивает Сейди.

– Он сказал, что просто нашел баллончик из-под краски.

Она фыркает.

– Так я и поверила.

– Не знаю. Он вроде был в шоке, когда я его увидела.

– Боже, бедные Мелани и Дэн. Им это меньше всего нужно.

– Полицейский, который разговаривал со мной на вечере по сбору средств, сказал, что знал тебя. Офицер Макналти? Я забыла имя.

Сейди усмехается.

– Чэд Макналти! Да, мы встречались, когда учились в предпоследнем классе. Боже, ты, похоже, познакомишься со всеми моими бывшими. А Вэнса Пакетта там, случайно, не было? Красавчик был. – Я качаю головой. – А Бен Коутс? Питер Нилссон?

Все эти имена мне неизвестны, кроме последнего. Я познакомилась с этим человеком на вечере по сбору средств сразу после того, как мы с его пасынком сообщили о надписи-вандализме.

– Ты встречалась с этим парнем? – спрашиваю я. – Разве ему не принадлежит вроде как половина города?

– Думаю, да. Умный, но немного закомплексованный. Мы пару раз встретились, когда я была в последнем классе, но он тогда учился в колледже, и у нас ничего не получилось.

– Теперь он отчим Малкольма, – сообщаю я матери.

Сейди недоуменно морщит лицо.

– Кого?

– Малкольма Келли. Брата Деклана Келли. Того, который нашел баллончик с краской.

– Господи боже, – бормочет Сейди. – Я не успеваю за событиями в этом городе.

Напряжение немного спадает, и я смеюсь, откидываясь на подушку. Мощная энергетика Сейди заставляет тебя чувствовать, что все будет хорошо даже при самой катастрофической ситуации.

– Офицер Макналти сказал, что его сын в нашем классе, – говорю я матери. – Наверное, он был на сборе средств, но я с ним не познакомилась.

– М-да, какие мы все уже старые. А про наезд ты тоже с ним разговаривала?

– Нет, тот полицейский был совсем молодой. Райан Родригес? – Я не ожидаю, что Сейди окажется знакомо это имя, но на ее лице мелькает странное выражение. – Что? Ты его знаешь? – спрашиваю я.

– Нет. Откуда? – чересчур быстро реагирует Сейди. Заметив мои скептически прищуренные глаза, она добавляет: – Ну... Просто... знаешь, не делай из этого слишком поспешных выводов, Эллери, потому что я знаю, как ты мыслишь. Но он страшно расклеился на похоронах Лейси. Гораздо больше, чем ее парень. Это привлекло мое внимание, поэтому я его и запомнила. Вот и всё.

– Как это расклеился?

Сейди театрально вздыхает.

– Так и знала, что ты об этом спросишь.

– Ты же сама об этом сказала!

– Ой, просто... понимаешь... Он так плакал. Почти в обморок грохнулся. Его друзьям пришлось вывести его из церкви. И я сказала Мелани: «Ничего себе, они, наверное, очень дружили». Но она ответила, что они были едва знакомы. – Сейди пожимает одним плечом. – Вероятно, он был влюблен, только и всего. Лейси была красавицей. Что это? – Она бросает взгляд в сторону, и я слышу чье-то бормотание. – О, ясно. Прости, Эл, но мне пора. Скажи Эзре, что я скоро ему позвоню, ладно? Я тебя люблю, и... – Она умолкает, и что-то похожее на сожаление впервые отражается на ее лице. – И... я рада, что ты знакомишься с людьми.

Никаких извинений. Извиниться для нее означает признать, что что-то не так, и даже когда она без разрешения звонит с другого конца страны из реабилитационного центра, сделать этого Сейди не может. Я не отвечаю, и она добавляет:

– Надеюсь, у тебя есть какие-то развлечения на воскресенье!

Не уверена, можно ли назвать это развлечением, но я планировала это с той самой минуты, как узнала, что еду в Эхо-Ридж.

– Сегодня открывается сезон на «Ферме страха», и я туда иду.

Сейди удовлетворенно качает головой.

– Кто бы сомневался, – говорит она и посылает мне воздушный поцелуй, прежде чем дать отбой.

Несколько часов спустя мы с Эзрой шагаем по лесу за бабулиным домом на «Ферму страха», под ногами у нас шуршат листья. На мне новая одежда из «Дэлтонса», над которой Эзра потешается с тех пор, как мы вышли из дома.

– В смысле, – говорит он, когда мы перешагиваем через упавшую ветку, – как это вообще называется? Штаны для отдыха?

– Заткнись, – ворчу я. Брюки из какой-то эластичной синтетики оказались наиболее безобидным предметом одежды, который мне удалось отыскать. Они хотя бы черные и более-менее сидят по фигуре. Футболка в серую и белую клетку короткая и мешковатая, и у нее такой маленький вырез, что она почти душит меня. Я совершенно уверена, что никогда не выглядела хуже. – Сначала Сейди с волосами, теперь ты с одеждой.

Улыбка Эзры широка и полна надежды.

– Значит, она хорошо выглядела? – спрашивает он.

Они с Сейди иногда до того одинаковы, настолько полны блаженного оптимизма, что невозможно высказать им все, что ты действительно о них думаешь. Когда я раньше пыталась, Сейди вздыхала и говорила: «Не надо быть таким Иа-Иа, Эллери». Однажды – только однажды – она добавила вполголоса: «Ты совсем, как Сара». Затем притворилась, что не слышит меня, когда я попросила ее повторить сказанное.

– Выглядела она отлично, – сообщаю я Эзре.

Еще до того, как увидеть, мы слышим шум парка. Едва мы выходим из леса, его уже нельзя не увидеть: на другой стороне дороги высится вход – в виде огромной головы монстра с горящими зелеными глазами и разинутым ртом, который служит дверями. Выглядит он в точности, как на фотографиях из сообщений об убийстве Лейси, кроме вывески-арки с остrokонечными красными буквами – ФЕРМА СТРАХА.

Эзра заслоняет глаза от солнца.

– Я просто хочу сказать: «Ферма страха» дурацкое название. «Территория убийства» было лучше.

– Согласна, – говорю я.

От «Фермы страха» нас отделяет дорога, и мы ждем, пока проедут несколько автомобилей, а потом переходим ее. Парк, включающий скопления палаток и аттракционы, окружен высоким черным забором из остrokонечных штырей. «Ферма страха» открылась менее часа назад, но народу уже битком. Окрестности оглашаются визгом, когда начинает свое вращение аттракцион с двумя свободно подвешенными кабинками. Мы приближаемся ко входу, и я вижу, что сероватая краска, которой выкрашено «лицо», испещрена красными пятнышками, чтобы походило на разлагающийся труп. Сразу внутри четыре кабинки в ряд, в каждой по кассиру, и очередь по меньше мере из двух десятков человек. Мы с Эзрой пристраиваемся за ними, но через несколько минут я отхожу, чтобы свериться с информационным табло и взять пачку проспектов в кармашке под ним.

– Карты, – сообщаю я Эзре. Даю ему одну плюс еще листок бумаги. – И заявления о приеме на работу.

Эзра хмурится.

– Ты хочешь здесь работать?

– Ну, мы же на мели, ты не забыл? И где еще мы можем работать? Вряд ли здесь есть что-нибудь в пешей доступности.

Ни у кого из нас нет водительских прав, и я уже понимаю, что бабуля на роль шофера не годится.

Эзра пожимает плечами.

– Хорошо. Давай заполним.

Я выуживаю из сумки две ручки, и мы почти успеваем заполнить заявления до того, как подходит наша очередь покупать билеты. Я складываю заявления и засовываю их в наружный карман сумки, когда мы выходим из кабинок.

– Опустим их, когда пойдем домой.

– Куда идем сначала? – спрашивает Эзра.

Я разворачиваю карту и изучаю ее.

– Похоже, сейчас мы в детской зоне, – докладываю я. – «Темные дела» налево. Вон там «Лаборатория злых наук». Направо «Кровавый шатер». Название, вероятно, говорит само за себя. А «Дом ужасов» прямо. Правда, до семи он закрыт.

Наклонившись над моим плечом, Эзра понижает голос.

– Где погибла Лейси?

Я указываю на крохотную картинку с изображением колеса обозрения.

– Под ним. Ну, во всяком случае, там нашли ее тело. Полиция считала, что она, вероятно, с кем-то там встречалась. Думаю, дети Эхо-Риджа постоянно пробираются в парк после закрытия. Тогда никаких камер наблюдения там не было. – Мы оба поднимаем глаза к ближайшему зданию, на углу которого мигает красный огонек. – Теперь, очевидно, есть.

– Хочешь начать оттуда? – спрашивает Эзра.

У меня пересыхает в горле. Группа детей в масках и в черной одежде пронесется мимо нас, один из них так сильно ударяется о мое плечо, что я спотыкаюсь.

– Может, посмотрим на игры, – предлагаю я, сворачивая карту. Куда легче было бы получить удовольствие от посещения места преступления до знакомства с семьей жертвы.

Мы проходим мимо киосков с едой и ярмарочными играми, останавливаясь, чтобы понаблюдать, как парень нашего возраста топит нужное количество корзин подряд, чтобы выиграть для своей подружки мягкую игрушку – черного кота. Следующий павильон представляет собой своего рода тир, где каждый из двух участников пытается поразить двенадцать мишеней в ящике. Какой-то тип, лет сорока на вид, в неприлично потрепанной охотничьей куртке, вскидывает с грубым хохотом кулак и резко сгибает руку в локте, словно дергает за рычаг.

– Моя взяла! – радуется он и тычет в плечо стоящего рядом подростка.

Сам мужчина слегка спотыкается от этого движения, а парень, отпрыгнув, отступает.

– Может, вы дадите пострелять еще кому-нибудь.

Красивая девушка за стойкой примерно моего возраста, у нее длинные каштановые волосы, собранные в хвост, который она встревоженно теребит.

Мужчина в охотничьей куртке взмахивает помповым ружьем, которое держит в руке.

– Рядом со мной полно места. Любой может сыграть, если он не такой уж трус.

Говорит он громко и немного невнятно.

Девушка складывает на груди руки, словно собирает все силы для придания голосу суровости.

– Вы можете сыграть в массу других игр.

– Ты просто злишься, что никто не может меня победить. Знаешь что, если кто-нибудь из этих слабаков выбьет больше очков, чем я, я выйду из игры. Кто хочет попробовать?

Он поворачивается к маленькой толпе, собравшейся у павильона, лицо у него худое, грязное.

Эзра толкает меня в бок.

– Как ты можешь устоять? – вполголоса спрашивает он.

Я колеблюсь, дожидаясь, не вызовется ли кто-нибудь постарше и посolidнее, но когда никто не решается, я выхожу вперед.

– Я хочу.

Я встречаюсь взглядом с девушкой; глаза у нее карие, ярко накрашенные, под ними темные полукруги теней. У нее такой вид, будто она неделю не спала.

Тип несколько раз моргает, затем перегибается пополам в преувеличенном поклоне. От этого движения он едва не падает, но выправляется.

– Что ж, приветствую, мадам. Вызов принят. Я даже заплачу за вас. – Он извлекает из кармана две мятые долларовые бумажки и подает их девушке. Та с опаской берет их и резко бросает в ящик перед собой, словно они обжигают руки. – Никто никогда не скажет, что Вэнс Пакетт не джентльмен.

– Вэнс Пакетт? – вырывается у меня, прежде чем я успеваю прикусить язык.

Это один из бывших Сейди? Тот, который «красавчик»? Либо в Эхо-Ридже она придерживалась гораздо более низких стандартов, либо своего максимума он достиг в старших классах.

Он прищуривает налитые кровью глаза, но в них не мелькает и искорки узнавания. Неудивительно, когда я собираю волосы сзади, ничто во мне не напоминает Сейди.

– Я вас знаю?

– Ах. Нет. Просто... хорошее имя, – мямлю я.

Девушка с хвостом нажимает на кнопку, чтобы вернуть мишени на место. Пока я иду ко второй позиции, Вэнс поднимает ружье и прицеливается.

– Чемпионы первые, – громко объявляет он и начинает быстро палить.

Хотя он явно пьян, ему удается поразить десять из двенадцати мишеней. Закончив, он поднимает ружье и целует его ствол, отчего девушка морщится.

– Всё без изменений, – объявляет Вэнс и быстро взмахивает в мою сторону рукой. – Ваша очередь, миледи.

Я поднимаю лежащее передо мной ружье. По случайности я обладаю тем, что Эзра называет необычным чувством цели, несмотря на ноль спортивных талантов во всех остальных областях. Руки у меня скользкие от пота, когда я закрываю один глаз. «Не передерживай», – напоминаю я себе, – просто целься и стреляй».

Я нажимаю на курок и промахиваюсь по первой мишени, но близко к цели. Рядом со мной усмехается Вэнс. Я поправляю прицел и во вторую – попадаю. В толпе позади меня поднимается шум, когда я укладываю остаток мишеней в верхнем ряду, и к тому моменту, когда я выбиваю девять, люди хлопают. На десятой мишени аплодисменты нарастают и переходят в победный клич и приветственные крики, когда я выбиваю последнюю и заканчиваю с одиннадцатью очками. Эзра поднимает вверх обе руки, как будто мне только что засчитали тачдаун[1 – В американском футболе тачдауном называется пересечение мячом или игроком с мячом линии зачетного поля соперника. – Здесь и далее примеч. перев.].

Вэнс тарашится на меня, разинув рот.

– Да ты проклятая подсадная утка.

– Двигай дальше, Вэнс, – выкрикивает кто-то. – В городе новый шериф.

Толпа смеется, Вэнс злобно скалится. В течение нескольких секунд мне кажется, что он не уступит. Затем он, фыркая, бросает ружье на стойку.

– Игра в любом случае закончена, – бормочет он, отходя и проталкиваясь сквозь толпу.

Девушка поворачивается ко мне с усталой, но благодарной улыбкой.

– Спасибо. Он стоял тут почти полчаса, отпугивая всех. Я боялась, что он в любую минуту начнет палить в толпу. Это всего лишь пульки, но все равно. – Достав из-под стойки влажные салфетки, она тщательно протирает ружье Вэнса. – Я ваша должница. Хотите бесплатные браслеты на посещение «Дома ужасов»?

Я почти соглашаюсь, но вместо этого достаю наши с Эзрой заявления о приеме на работу.

– Вообще-то, не могли бы вы замолвить за нас словечко своему начальнику? Или кто тут занимается наймом на работу?

Девушка не торопится брать у меня заявления и поправляет хвост.

– Дело в том, что они берут ребят только из Эхо-Риджа.

– Мы из него, – весело говорю я. – Мы только что сюда переехали.

Она хлопает глазами.

– Да? Вы... Ой. – Я прямо вижу, как в голове у нее складываются части головоломки, пока она разглядывает нас с Эзрой. – Вы, наверное, близнецы Коркоран.

Всю неделю одна и та же реакция. Она как будто вдруг все о нас знает. Проведя всю жизнь в орбите города, где каждый бьется за признание, странно без усилий добиться узнавания. Я не уверена, что мне это нравится, но не возражаю против результатов, когда она протягивает руку за нашими заявлениями.

– Я Брук Беннетт. На следующей неделе мы будем в одном классе. Что ж, посмотрим, чем я могу помочь.

Глава 5

Малкольм

Воскресенье, 8 сентября

– У тебя четыре вида газированной воды, – сообщает Миа из недр нашего холодильника. – Не вкуса. Бренда. «Перрье», «Сан-Пеллегрино», «Лакруа» и «Полар». Последняя не из самых лучших, поэтому, думаю, это привет твоим скромным корням. Хочешь?

– Я хочу колы, – говорю я без особой надежды. Экономка Нилссонов, которая закупает все продукты, не является поклонницей сахара-рафинада.

Воскресенье перед началом школьных занятий, и мы с Мией здесь одни. Мама и Питер уехали покататься после ланча, а Кэтрин с подругами отправилась за покупками в преддверии начала учебного года.

– Боюсь, это не вариант, – говорит Миа, доставая две бутылки лимонной «Полар» и протягивая одну мне. – В этом холодильнике только «чистые» напитки.

– По крайней мере, она сильногазированная.

Я ставлю бутылку на кухонный остров рядом со стопкой рекламных проспектов, которые ежедневно начали поступать для Кэтрин из колледжей: колледж Брауна, Амхерст, Джорджтаунский, Корнелл. Учитывая средний балл Кэтрин, ее притязания кажутся чересчур амбициозными, но Питеру нравится, когда люди стремятся к высокой цели.

Миа открывает свою бутылку и, морщась, делает большой глоток.

– Фу. Вкус, как у чистящего средства.

– Знаешь, можно пойти к тебе.

Миа так энергично трясет головой, что ее темные, с красными кончиками волосы падают ей в лицо.

– Нет, спасибо. Напряжение в доме Квонов зашкаливает, мой друг. Возвращение Дейзи повергло всех в шок.

– Я думал, она вернулась домой на время.

– И мы все так думали, – произносит Миа тоном рассказчика. – И однако же она остается.

Мы с Мией дружим отчасти потому, что давным-давно Деклан дружил с ее сестрой Дейзи. Лейси Килдафф и Дейзи Квон с детского сада были лучшими подругами, поэтому, как только Деклан и Лейси начали встречаться, я видел Дейзи почти столько же, сколько и Лейси. Дейзи была моей первой любовью; самой красивой девушкой, какую я видел в своей жизни. Я никогда не мог понять, что Деклан нашел в Лейси, когда рядом была Дейзи. А Миа тем временем была влюблена и в Лейси, и в Деклана. Мы были парой неуклюжих детей, таскавшихся за своими выдающимися братом и сестрой и их друзьями и жадно подбিরавших любые крохи внимания, которые те бросали в нашу сторону.

А затем все рухнуло.

Лейси погибла. Деклан уехал, подозреваемый и покрытый позором. Дейзи поступила в Принстон, как она и собиралась, получила диплом и нашла прекрасную работу в консалтинговой фирме в Бостоне. Потом, проработав едва ли месяц, она вдруг все бросила и вернулась к родителям.

Никто не знает, почему. Даже Миа.

В замке звякают ключи, и в прихожей слышится громкое хихиканье. В кухню стремительно входит Кэтрин вместе со своими подругами Брук и Вив, все трое увешаны разноцветными фирменными пакетами.

– Привет, – произносит она. Бросает свои пакеты на кухонный остров, едва не столкнув бутылку Мии. – Не ходите сегодня в «Белвью-молл». Там полный бардак. Все уже покупают платья к осеннему балу.

Она тяжело вздыхает, как будто сама не занималась тем же. Накануне вечером мы все получили по электронной почте приветственные письма от директора, включая ссылку на новое школьное приложение, которое позволяет посмотреть расписание и подписаться онлайн на дополнительные занятия. Уже прислали

избирательный бюллетень, по которому теоретически можно проголосовать за любого из нашего класса на выборах в королевский двор бала. Но на самом деле все знают, что четыре места из шести уже заняты Кэтрин, Тео, Брук и Кайлом.

– Даже и не собиралась, – сухо отвечает Миа.

Вив фыркает.

– Ну, там все равно нет «Хот топики»[2 – «Hot Topic» – американская компания, которая специализируется на розничной торговле атрибутами альтернативной музыки и андерграунда, в частности футболками с логотипами музыкальных групп.].

Кэтрин и Брук хихикают, хотя у Брук при этом немного виноватый вид.

Моя жизнь и жизнь Кэтрин во многом входит в противоречие, и в первую очередь это касается наших друзей. Брук-то, думаю, ничего, но Вив – промежуточное звено в этой тройке подруг, и неуверенность превращает ее в стерву. А может, она просто такая и есть.

Миа наклоняется вперед, прижав средний палец к подбородку, но я не даю ей заговорить, схватив с острова завернутый в целлофан букет.

– Нам надо успеть до дождя, – говорю я. – Или града.

Кэтрин поднимает брови в сторону цветов.

– А это для кого?

– Для мистера Баумена, – отвечаю я, и ее дразнящая усмешка пропадает.

Брук издает сдавленный звук, и ее глаза наполняются слезами. Даже Вив замолкает. Кэтрин вздыхает и облокачивается о рабочий стол.

– В школе без него будет совсем не то, – говорит она.

Миа спрыгивает с табурета.

– Как же достало, что людям в этом городе сходят с рук убийства.

Вив фыркает, заправляя за ухо прядь рыжих волос.

– Тот, кто его сбил, скрылся, но это же случайность.

– Только не для меня, – заявляет Миа. – В том, что сбил, возможно. Но не бегство. Мистер Баумен мог сейчас быть жив, если бы совершивший это остановился и вызвал помощь.

Кэтрин обнимает Брук, которая начинает беззвучно плакать. И так всю неделю – когда бы я ни встретил кого-нибудь из школы; сейчас все нормально, а в следующую минуту они начинают плакать. Что, пожалуй, наводит на воспоминания о смерти Лейси. Только нет журналистов с видеокамерами.

– Как вы доберетесь до кладбища? – спрашивает у меня Кэтрин.

– На маминой машине, – отвечаю я.

– Я ее заперла. Возьми тогда мою, – говорит она, доставая из сумочки ключи.

Я совершенно не против. У Кэтрин «БМВ Х6», который очень приятно вести. Она не часто это предлагает, но я хватаюсь за каждую возможность. Я беру ключи и поспешно ухожу, пока она не передумала.

– Как ты ее выдержишь? – ворчит Миа, пока мы выходим на улицу. Затем оборачивается и идет задом наперед, разглядывая огромный дом Нилссонов. – Ну, полагаю, у тебя здесь неплохие привилегии, да?

Я открываю дверцу, сажусь в машину и оказываюсь в салоне, отделанном кожей цвета сливочного масла. Иногда мне до сих пор не верится, что это моя жизнь.

– Могло быть и хуже.

До кладбища Эхо-Риджа недалеко, и Миа проводит большую часть поездки, быстро перебирая запрограммированные Кэтрин радиостанции.

– Нет. Нет. Нет. Нет, – бормочет она до того момента, как мы въезжаем в кованые железные ворота.

Кладбище в Эхо-Ридже историческое, есть могилы, датируемые семнадцатым веком. Деревья вокруг древние и такие громадные, что их ветки смыкаются над нами, как навес. Вдоль гравиевых дорожек растут высокие, переплетающиеся кусты, а все вместе окружено каменным забором. Надгробные плиты всех форм и размеров: крохотные таблички, едва различимые в траве, высокие стелы с именами, выбитыми на них печатными буквами, несколько статуй ангелов и детей.

Могила мистера Баумена находится на новом участке. Мы сразу же ее замечаем; траву перед ней не видно из-за цветов, мягких игрушек и записок. На простом сером камне вырезано его имя, годы жизни и надпись:

Скажи мне, и я забуду

Научи меня, и, возможно, я запомню

Увлеки меня, и я научусь.

Развернув букет, я молча кладу его поверх остальных. Я думал, что захочу что-то сказать, когда приеду сюда, но к горлу подкатывает тошнота, и я не могу вымолвить ни слова.

Мы с мамой навещали родню в Нью-Гэмпшире, когда погиб мистер Баумен, поэтому похороны мы пропустили. Отчасти я об этом жалел, но, с другой стороны, испытывал облегчение. В последний раз я был на похоронах пять лет назад, когда хоронили Лейси. Ее положили в гроб в платье, которое она купила для осеннего бала, и все ее подруги тоже пришли на похороны в бальных платьях – яркие пятна в море черного цвета. Было жарко для октября, и я помню, как потел в своем колючем костюме, стоя рядом с отцом. Взгляды и перешептывания насчет Деклана уже начались. Брат стоял в стороне от нас, неподвижный, как статуя, а отец оттягивал ворот сорочки, словно задыхался от пристальных взглядов.

После убийства Лейси мои родители продержались полгода. Да и до этого отношения у них были не очень. Казалось, что все ссоры происходили из-за денег – счетов за коммунальные услуги, ремонта автомобиля и второй работы, которую, по мнению мамы, должен был найти папа, когда ему сократили ставку на складе. Но в действительности дело заключалось в том, что в какой-то момент они перестали друг друга любить. Они никогда не кричали, просто кипели скрытым негодованием, и оно распространялось по всему дому, как ядовитый газ.

Сначала я обрадовался его отъезду. Потом, когда он стал жить с женщиной в два раза его моложе и стал забывать присылать деньги, я испытал жгучую злость. Но я не мог этого показать, потому что злостью стало то, что люди говорили про Деклана приглушенным, обвиняющим тоном.

Дрожащий голос Мии возвращает меня к действительности.

– Как плохо, мистер Баумен, что вас нет. Спасибо за то, что вы всегда были такой хороший и никогда не сравнивали меня с Дейзи, в отличие от всех других учителей. Спасибо, что сделали научные занятия почти интересными. Я надеюсь, что карма даст пинка под зад тому, кто это сделал, и он получит по заслугам.

У меня щиплет в глазах. Я моргаю и смотрю в сторону, и неожиданно мой взгляд замечает в отдалении что-то красное. Я снова моргаю, потом прищуриваюсь.

– Что это?

Миа заслоняет глаза от солнца и прослеживает мой взгляд.

– Что именно?

С того места, где мы стоим, сказать невозможно. Мы начинаем пробираться по траве через участок приземистых могил колониальной эпохи, на которых вырезаны черепа с крыльями. «Здесь покоится тело миссис Сэмюэл Уайт», – читаем мы на последней, мимо которой проходим. Миа, отвлекшись на минуту, делает вид, что хочет пнуть камень.

– У нее было собственное имя, идиот, – говорит она[3 – Феминистски настроенная Миа возмущена традицией прежних времен называть жену в официальных случаях именем мужа – например, не миссис Джейн Уайт, а миссис Сэмюэл Уайт.].

Тут мы наконец оказываемся достаточно близко от того, что привлекло наше внимание, когда мы стояли у могилы мистера Баумена, и мы застываем на месте.

На сей раз это не просто граффити. С крыши мавзолея свисают три повешенные за шею куклы. На всех короны и длинные, блестящие платья, пропитанные красной краской. И совсем как у культурного центра, красные буквы кровью стекают по белому камню под ними:

Я СНОВА ЗДЕСЬ

ВЫБИРАЙ СВОЮ КОРОЛЕВУ, ЭХО-РИДЖ

СЧАСТЛИВОГО ОСЕННЕГО БАЛА

Кричаще яркий, заляпанный красным корсаж украшает соседнюю с мавзолеем могилу, и на меня накатывает тошнота, когда я узнаю участок кладбища. На похоронах Лейси я стоял почти на том самом месте, где стою сейчас. Миа в ярости вскрикивает, когда приходит к тому же выводу, и бросается вперед, словно собирается смахнуть с могилы Лейси кажущийся окровавленным корсаж. Я успеваю схватить ее за руку.

– Не надо. Мы не должны ничего трогать. – И затем мое отвращение быстро сменяется новой неприятной мыслью. – Черт. Я снова буду тем, кто об этом сообщает.

На прошлой неделе мне вроде как повезло. Новая девушка, Эллери, вроде бы поверила мне, поэтому, когда мы вернулись в центр, чтобы сообщить взрослым, она не упомянула, что застала меня с баллончиком в руке. Но по культурному центру все равно пополз слух, который с тех пор меня и преследует. Дважды за одну неделю – мало приятного. Расходится со стратегией «Затаись, пока не пронесет», над которой я работаю с тех пор, как Деклан уехал из города.

– Может, кто-то уже сообщил и полиция просто еще не приехала? – произносит, оглядываясь, Миа. – Середина дня. Люди постоянно приходят сюда и уходят.

– Думаю, мы уже узнали бы.

Каналы распространения сплетен в Эхо-Ридже быстры и надежны. Даже мы с Мией входим теперь в этот круг, поскольку у Кэтрин есть мой номер сотового.

Миа прикусывает губу.

– Мы можем уйти, и пусть кто-нибудь другой позвонит в полицию. Правда... мы же сказали Кэтрин, что едем сюда. Поэтому ничего не выйдет. Впечатление будет только хуже, если ты ничего не скажешь. Кроме того, это просто... очень жутко. – Она ковыряет носком ботинка «Доктор Мартенс» густую ярко-

зеленую траву. – Я хочу сказать, думаешь, это предостережение или что? В смысле, то, что случилось с Лейси, случится снова?

– Мне кажется, что они хотят произвести такое впечатление.

Я стараюсь говорить обычным тоном, но голова идет кругом, пока я пытаюсь осмыслить открывшуюся нам картину. Миа достает телефон и начинает фотографировать, обходя мавзолей, чтобы снять его со всех ракурсов. Она почти заканчивает, когда громкий шорох заставляет нас подпрыгнуть. Сердце тяжело бьется у меня в груди, пока из кустов в дальнем углу кладбища не выбирается знакомая фигура. Вэнс Пакетт. Он живет за кладбищем и, вероятно, каждый день срезает здесь путь до... куда уж он там ходит. Я бы сказал, в винный магазин, но по воскресеньям он закрыт.

Вэнс идет по дорожке в сторону главного входа. Всего в нескольких шагах от нас он наконец нас замечает, бросив в нашу сторону скучающий взгляд, который сменяется испуганным, когда он видит мавзолей. Вэнс так резко останавливается, что едва не падает.

– Какого черта?

Вэнс Пакетт единственный персонаж в Эхо-Ридже, история жизни которого после средней школы хуже, чем у моего брата. У него была подрядная фирма, пока на него не подали в суд за некачественную проводку в доме, который дотла сгорел в Солсбери. С тех пор это непрерывный спуск на дно бутылки виски. Примерно в то же самое время, когда Вэнс установил спутниковую антенну на крышу Питера, по соседству с Нилссонами произошла серия мелких краж со взломом, поэтому все сделали вывод, что Пакетт нашел новый способ оплачивать свои счета. Хотя его ни разу ни на чем не поймали.

– Мы только что это нашли, – говорю я. Не знаю, почему я чувствую необходимость объясниться с Вэнсом Пакеттом, но ничего не попишешь.

Он, шаркая, приближается, засунув руки в карманы оливково-зеленой охотничьей куртки, обходит мавзолей по кругу и по окончании осмотра выпускает тихий свист. От Вэнса, как всегда, слабо пахнет алкоголем.

– Красивые девушки лежат в могилах, – изрекает он наконец. – Знаете эту песню?

– А? – переспрашиваю я.

Но Миа отвечает:

– «Смитс».

Во всем, что касается музыки, ей нет равных.

Вэнс кивает.

– Подходит этому городу, верно? Эхо-Ридж продолжает терять своих королев осеннего бала. Или их сестер. – Он переводит взгляд на трех куколок. – Кто-то творчески подошел к делу.

– Это не творчество, – холодно произносит Миа. – Это ужасно.

– А я никогда и не говорил, что это не так. – Вэнс громко втягивает носом воздух и делает движение, будто стреляет. – Почему вы до сих пор здесь? Бегите и сообщите властям.

Мне не нравится, что Вэнс Пакетт мне приказывает, но и оставаться здесь мне не хочется.

– Мы как раз собирались.

Я уже иду к машине Кэтрин в сопровождении Мии, когда резкий окрик Вэнса заставляет нас обернуться. Он указывает на меня дрожащим пальцем.

– Скажи этой своей сестре, чтобы она для разнообразия не высывалась. Похоже, не самый подходящий год для того, чтобы стать королевой осеннего бала.

Глава 6

Эллери

Понедельник, 9 сентября

– Тут как в фильме «Дети кукурузы», – бормочет Эзра, сканируя взглядом коридор.

Он прав. Мы здесь всего пятнадцать минут, но я никогда не видела столько светловолосых, голубоглазых людей, собравшихся в одном месте. Даже здание школы Эхо-Риджа, в котором она размещается, обладает определенным пуританским шармом – оно старое, полы из широких сосновых досок, высокие арочные окна и косо срезанные потолки. Покинув кабинет советника по учебе, мы направляемся в наш новый общий класс, и с таким же успехом могли возглавлять парад, учитывая, как все на нас пялятся. Я хотя бы в своей одежде из самолета, которую постирала накануне вечером, готовясь к первому дню в школе, а не в фирменных одеяниях «Дэлтонса».

Мы проходим мимо доски объявлений, пестрящей разноцветными флаерами, и Эзра останавливается.

– Еще не поздно вступить в «Клуб Фор-Эйч», – сообщает он мне.

– Что это?

Он вглядывается.

– Сельское хозяйство, кажется. Как-то связано с коровами, по-моему.

– Нет, спасибо.

Он со вздохом пробегает глазами по остальным объявлениям.

– Что-то говорит мне, что здесь нет особо активного ЛГБТК сообщества. Интересно, есть ли здесь хоть один не такой, как все, школьник?

В обычных обстоятельствах я бы сказала, что должен быть, но Эхо-Ридж очень мал. На нашем потоке менее сотни учеников, а в школе в целом всего несколько сотен.

Мы отворачиваемся от доски объявлений, и в это время мимо нас проходит красивая девушка-азиатка в футболке группы «Строукс» и в ботинках «Доктор Мартенс» с наборными каблуками, с одной стороны волосы у нее коротко острижены под машинку, а с другой некоторые пряди выкрашены в красный цвет.

– Эй, Миа, ты забыла состричь другую половину! – окликает ее какой-то парень, вызывая усмешки двух других ребят по обе стороны от него, на них куртки для футбольных тренировок.

Девушка поднимает средний палец и, не сбиваясь с шага, тычет им в сторону парней.

Эзра сосредоточенно и внимательно смотрит ей вслед.

– Здравствуй, новая подруга.

Толпа перед нами внезапно расступается, и по коридору, почти идеально в ногу, шагают три девушки – блондинка, брюнетка и рыжая. Они с такой очевидностью являются в школе Эхо-Риджа кем-то, что я только через секунду соображаю, что одна из них – Брук Беннетт из тира на «Ферме страха». При виде нас она останавливается и неуверенно улыбается.

– О, привет. Мэрф вам хотя бы позвонил?

– Да, позвонил, – отвечаю я. – У нас собеседование в эти выходные. Большое спасибо.

Вперед, с видом человека, который привык за все отвечать, выступает блондинка. На ней сексуальная школьная форма: рубашка с воротником под облегающим свитером, клетчатая мини-юбка и ботинки на высоких каблуках.

– Привет. Значит, вы близнецы Коркоран?

Мы с Эзрой киваем. Мы уже привыкли к внезапно свалившейся на нас известности. Вчера, когда мы с бабулей покупали продукты, кассирша, с которой я никогда раньше не встречалась, сказала: «Здравствуй, Нора... и Эллери», когда мы расплачивались. Затем, все время, пока мы укладывали продукты, она расспрашивала меня о Калифорнии.

Теперь вот эта блондинка наклоняет набок голову, глядя на нас.

– Мы всё о вас слышали. – Здесь она умолкает, но тон ее голоса уже сказал все за нее: «И когда я говорю всё, я имею в виду отца на одну ночь, провалившуюся актерскую карьеру, историю с ювелирным магазином и реабилитацией. Всё это». Впечатляет, сколько подтекста она умудряется вложить в одно коротенькое слово. – Я Кэтрин Нилссон. С Брук вы, видимо, знакомы, а это Вив. – Она показывает на рыжую девушку слева от нее.

Этого следовало ожидать. С момента приезда в Эхо-Ридж я постоянно слышу имя Нилссонов, а на этой девушке просто написано городская знать. Она не такая красивая, как Брук, но почему-то производит более сильное впечатление – с ее прозрачно-голубыми, как у сиамской кошки, глазами.

Мы все бормочем приветственные слова, и это похоже на какое-то неприятное собеседование. Вероятно, из-за оценивающего взгляда, которым Кэтрин окидывает Эзру и меня, словно взвешивает, стоит ли продолжать уделять нам время и внимание. Большинство присутствующих в коридоре лишь делают вид, что заняты своими шкафчиками, а сами ожидают вердикта.

– Присоединяйтесь к нам за ланчем. Мы сидим за дальним столом у самого большого окна.

Она отворачивается, не дожидаясь ответа, светлые волосы рассыпаются по ее плечам.

Эзра ошеломленно смотрит, как они удаляются, затем поворачивается ко мне.

– У меня сильное подозрение, что по средам они носят розовое.

В то утро у нас с Эзрой в основном одни и те же занятия, кроме урока перед самым ланчем – у меня математика по программе колледжа, а брат идет на геометрию. В математике он не силен. Поэтому в кафетерий я в итоге иду одна. Стою в очереди у стойке с едой, ожидая, что он в любой момент ко мне подойдет, но и когда я отхожу с полным подносом, его по-прежнему нигде не видно.

Я в нерешительности стою перед рядами прямоугольных столов, разглядывая море незнакомых лиц, когда кто-то произносит мое имя чистым командным голосом.

– Эллери!

Я поднимаю глаза и замечаю Кэтрин с поднятой рукой. Она манит меня.

У меня такое чувство, будто все помещение наблюдает, как я пробираюсь в дальний конец кафетерия. Потому, вероятно, что все как раз и наблюдают. На стене рядом со столом Кэтрин висит огромный плакат, который я могу прочесть, не пройдя еще и половины пути:

НЕ ЗАНИМАЙ ЭТУ ДАТУ

Осенний бал – 5 октября!!!

Голосуй за своего короля и королеву!

Когда я добираюсь до Кэтрин и ее подруг, рыжая девушка, Вив, подвигается, освобождая место на скамейке. Я ставлю поднос и сажусь рядом с ней, напротив Кэтрин.

– Привет, – произносит она, ее голубые кошачьи глаза осматривают меня сверху донизу. Если завтра мне придется надеть вещи из «Дэлтонса», она уж точно это заметит. – А где твой брат?

– Кажется, мы с ним разминулись, – говорю я. – Но он всегда в итоге появляется.

– Я буду посматривать, – произносит Кэтрин. Она вонзает бледно-розовый ноготь в кожуру апельсина и отрывает кусок. – Итак, мы все супер интересуемся вами, ребята. Новых учеников у нас не было с... – Она морщит нос. – Не знаю. С седьмого класса, наверное?

Вив расправляет плечи. Она маленькая, с острыми чертами лица, на губах ярко-красная помада, которая на удивление хорошо сочетается с ее волосами.

– Да. Это была я.

– Правда? Да, точно. Какой счастливый день. – Кэтрин рассеянно улыбается, по-прежнему сосредоточив внимание на мне. – Но смена школы в средних классах это одно. Выпускной год – это круто. Как вам живется у бабушки?

По крайней мере она не спрашивает, как это сделала вчера кассирша в продуктовом магазине, не рассталась ли я с «голливудским красавчиком». Кстати, ответ на это – нет. За последние восемь месяцев у меня не было ни одного свидания. Собственно, я их и не считаю.

– Да нормально, – отвечаю я Кэтрин, бросая взгляд на Брук. Если не считать негромкого приветствия, она сидит молча. – Правда, тихо тут у вас. А как вы здесь развлекаетесь?

Я надеюсь вовлечь в разговор Брук, но отвечает Кэтрин.

– Ну, мы чирлидеры, – говорит она, указывая на себя и Брук. – Осенью это занимает много времени. А наши парни играют в футбол. – Она переводит взгляд на парня-блондина, который садится с подносом через несколько столов от нас. Весь стол занят ребятами в фиолетовых с белым спортивных куртках. Парень ловит взгляд Кэтрин и подмигивает, она посылает ему воздушный поцелуй. – Это мой парень, Тео. Он и Кайл, парень Брук, капитаны команды.

Кто бы сомневался. Парня Вив она не упоминает. Я испытываю легкое чувство солидарности – союз одиноких девушек! – но когда я посылаю Вив улыбку, то наталкиваюсь на ее холодный пристальный взгляд. У меня вдруг возникает

ощущение, что я ступила на территорию, которую она не готова со мной разделить.

– Звучит весело, – неловко выворачиваюсь я.

Никогда не была ни футбольной болельщицей, ни чирлидером, хотя могу оценить спортивность и того, и другого занятия.

Вив прищуривается.

– Эхо-Ридж, может, и не Голливуд, но здесь не скучно.

Я даже не пытаюсь поправить Вив, что Ла-Пуэнте находится в двадцати пяти милях от Голливуда. В Эхо-Ридже все просто полагают, что мы жили среди кинодекораций, и никакие мои слова не убедят их в обратном. Кроме того, сейчас мы говорим не об этом.

– Я этого и не говорила, – возражаю я. – То есть я уже вижу, что здесь много чего происходит.

Вив мои слова не убеждают, но наконец нарушает молчание Брук.

– И ничего хорошего, – ровно произносит она. Когда она поворачивается ко мне, глаза у нее блестят и кажется, что ей просто необходимо отоспаться. – Это ты... твоя бабушка нашла мистера Баумена, да?

Я киваю, и по бледным щекам Брук начинают струиться слезы.

Кэтрин дожевывает и проглатывает дольку апельсина и похлопывает Брук по руке.

– Перестань об этом думать, Брук. Ты себя изводишь.

Вив преувеличенно вздыхает.

– Ужасная была неделя. Сначала мистер Баумен, потом весь этот вандализм по всему городу. – Тон у нее озабоченный, но глаза почти горят азартом, когда она добавляет: – Это станет первой статьей года для школьной газеты. Краткое изложение событий за всю неделю, перемежаемое рассказами учеников теперешнего выпускного класса о том, где они были пять лет назад. Такой материал могут перепечатать даже местные СМИ. – Вив смотрит на меня с чуть большей теплотой. – Мне нужно взять у тебя интервью. Это ведь ты нашла граффити у культурного центра? Ты и Малкольм.

– Да, – отвечаю я. – Это было ужасно, но и близко не так ужасно, как на кладбище.

Мне стало нехорошо, когда я об этом услышала, особенно когда попыталась представить, что должны чувствовать Килдаффы.

– Вся эта история просто жуть, – соглашается Вив, поворачиваясь к Кэтрин и Брук. – Надеюсь, ничего плохого не случится, когда вас объявят в следующий четверг.

– Объявят? – переспрашиваю я.

– На собрании утром в следующий четверг должны объявить состав королевского двора, – объясняет Вив, указывая на объявление о бале над плечом Брук. – До этого времени все голосуют. Ты загрузила приложение школы Эхо-Риджа? Пункт о голосовании в главном меню.

Я качаю головой.

– Еще нет.

Вив укоризненно цокает языком.

– Лучше поторопись. Голосование прекращается в следующую среду. Хотя бо?льшая часть двора уже фактически выбрана. Кэтрин и Брук бесспорные кандидатки на победу.

– Ты тоже можешь выставить свою кандидатуру, Вив, – великодушно замечает Кэтрин. Хотя я только что с ней познакомилась, мне ясно, на самом деле она считает, что у той нет ни малейшего шанса.

Вив легонько содрогается.

– Нет, благодарю. Не хочу попасть на радар какого-то чокнутого убийцы, который решил нанести новый удар.

– Ты правда думаешь, что это связано с балом? – с любопытством спрашиваю я. Вив кивает, и я возбужденно наклоняюсь вперед. Последние пару дней я почти непрерывно думаю об этих актах вандализма, и мне до смерти хочется поделиться своими теориями. Пусть даже с Вив. – Интересно. Возможно. В смысле, совершенно точно, что человек, который это делает, хочет, чтобы мы именно так и думали. И это тревожит само по себе. Но мне интересно... если тебе сошло с рук убийство и ты настолько наглый и хвастаешь теперь, что повторить это пять лет спустя, МО совершенно другой.

Лицо Кэтрин выражает полное непонимание.

– МО? – спрашивает она.

– Modus operandi, это значит «образ действия» на латыни, – расшифровываю я, чувствуя интерес к теме. На этой почве я чувствую себя совершенно уверенно. – Ну, знаете, образ действия при совершении преступления? Лейси задушили. Это очень личный и жестокий способ убийства и маловероятно, чтобы предумышленный. А эти угрозы публичны и требуют планирования. Плюс они гораздо менее, ну, прямые. Мне кажется, это больше похоже на подражание. Хотя и не значит, что этот человек не опасен. Но, может, он опасен по-другому.

За столом на мгновение воцаряется тишина, пока Кэтрин не хмыкает и не откусывает от дольки апельсина. Задумчиво жует, уставившись неподвижным взглядом куда-то поверх моего плеча. «Ну вот, – думаю я, – она только что мысленно вычеркнула меня из списка привлекательного окружения. Немного же потребовалось времени».

Если бы Эзра сказал мне только раз, он сто раз мне говорил: «Никому не интересны твои теории убийства, Эллери». Очень плохо, что он не пошел со мной на ланч.

На лице Кэтрин возникает новое выражение, раздраженное и снисходительное одновременно.

– Тебя когда-нибудь выгонят из школы за эту футболку, – обращается она к кому-то.

Я оборачиваюсь и вижу Малкольма Келли в линялой серой футболке, на ней поперек груди печатными буквами написано в обратном порядке популярное ругательство.

– Пока что этого не случилось, – отвечает он.

В ярком свете флуоресцентных ламп школьного кафетерия я получаю возможность разглядеть его гораздо лучше, чем в культурном центре. Повернутая козырьком назад бейсболка приминает непокорные каштановые волосы, обрамляющие угловатое лицо с широко посаженными глазами. Они встречаются с моими, и в них проскальзывает узнавание. Он машет рукой, и от этого движения его поднос наклоняется настолько, что парень едва не роняет его со всем содержимым на пол. Ужасно неловко, но и странным образом мило.

– Прошу прощения, – говорит Вив, когда Малкольм отворачивается, я никогда не слышала менее извиняющегося тона. – Но мне кажется крайне забавным, что первым обе угрозы увидел именно странноватый братец Деклана Келли. – Она многозначительно качает головой. – Угу. Что-то тут нечисто.

– О Вив, – вздыхает Кэтрин, как будто они уже по меньшей мере дюжину раз вели эту беседу в разных вариантах. – Малкольм нормальный. Немного ботаник, но нормальный.

– А по-моему, он не ботаник. – Брук так долго сидела молча, что ее внезапное высказывание заставляет всех вздрогнуть. – Может, он и был таким, но в последнее время стал привлекательным. Не таким красивым, как Деклан, но все равно.

Затем она снова опускает голову и начинает безучастно вертеть ложку, словно вклад в беседу забрал все имеющиеся у нее небольшие запасы энергии.

Кэтрин задумчиво смотрит на нее.

– Вот уж не думала, что ты заметила, Брук.

Я поворачиваю голову, высматривая Малкольма, и вижу, что он сидит с девушкой Мией из коридора и с моим братом. Я не удивлена; Эзра обладает способностью влиться в любую компанию, к которой он решил присоединиться. В любом случае, когда меня не пригласят за стол Кэтрин, я буду знать, куда идти за ланчем.

Вив фыркает.

– Красивый, тоже мне, – скучным тоном произносит она. – Деклану место в тюрьме.

– Ты думаешь, он убил Лейси Килдафф? – спрашиваю я, и она кивает.

Кэтрин озадаченно наклоняет голову набок.

– Но разве ты только что не говорила, что убивший Лейси человек оставляет угрозы по всему городу? – спрашивает она. – Деклан живет в другом штате.

Вив облакачивается на стол, пристально смотрит на подругу широко раскрытыми глазами.

– Ты живешь с Келли и, серьезно, не знаешь?

Кэтрин хмурится.

– Не знаю о чем?

Вив выжидает несколько секунд для максимального эффекта, затем усмехается.

– Деклан Келли вернулся в город.

Глава 7

Малкольм

Понедельник, 9 сентября

В Эхо-Ридже один бар, который технически только наполовину в городе, потому что находится как раз на границе с соседним Солсбери. В отличие от большинства заведений Эхо-Риджа, «Таверна Буковски» славится местом, где можно уединиться. Несовершеннолетних здесь не обслуживают, но и документов на входе не спрашивают. Поэтому именно там я встретился с Декланом днем в понедельник, после первого дня в школе, где притворялся, что, мол, да, конечно, я знал, что мой брат здесь.

«Таверна Буковски» не очень вяжется с Эхо-Риджем. Она маленькая и темная, с длинной стойкой в передней части, несколькими изрезанными столами, расставленными по всему помещению, и мишенью для дартса и бильярдным столом в глубине. На стенах – только неоновая реклама «Будвайзера» с мигающим «в». Ничего красивого или оригинального в ней нет.

– А ты не мог дать объявление о своем приезде? – говорю я, садясь напротив Деклана. Подразумевается, что это шутка, но смешно не выходит.

– И тебе здравствуй, маленький братец, – говорит Деклан.

Я видел его меньше недели назад, но здесь он выглядит крупнее, чем в цокольной квартире тети Линн. Потому, может, что Деклан никогда не умещался в рамки Эхо-Риджа. Хотя вдвоем мы никогда раньше не сидели в «Буковски». Да и вообще нигде. Еще в начальной школе, когда папа старался приучить меня к футболу, Деклан изредка снисходил до игры со мной. Однако ему быстро наскучивало, и чем больше я мазал, тем сильнее он бросал мяч[4 – Речь идет об американском футболе.]

Через какое-то время я уже не пытался поймать мяч, а просто поднимал руки, защищая голову. «В чем дело? – жаловался он. – Я же не стараюсь тебя ударить. Доверься мне».

Он говорил это так, будто когда-либо сделал хоть что-то заслуживающее доверия.

– Хочешь что-нибудь выпить? – спрашивает Деклан.

– Колу, наверное.

Деклан поднимает руку, привлекая внимание пожилой официантки в выцветшей красной футболке. Женщина натирает за стойкой пивные краны.

– Две колы, пожалуйста, – говорит он, когда она подходит к нашему столику. Она кивает без особого интереса.

Дождавшись ее ухода, я спрашиваю:

– Что ты здесь делаешь?

В уголке рта Деклана дергается мускул.

– Ты так это говоришь, будто я нарушаю какой-то судебный запрет. У нас свободная страна.

– Да, но...

Я умолкаю, потому что возвращается официантка, кладет перед нами салфетки для коктейля и ставит высокие стаканы колы со льдом. Мой телефон взорвался во время ланча, когда распространился слух, что Деклан в Эхо-Ридже. И он это знает. Он прекрасно знает, какую это вызовет реакцию.

Деклан наклоняется вперед, положив руки на стол. Они почти в два раза мощнее моих. В свободное от занятий время он работает на стройке, и это помогает ему держаться в лучшей форме, чем в школе помогал футбол. Он понижает голос, хотя кроме нас в «Буковски» сидят только два старика в бейсболках у дальнего конца барной стойки.

– Мне надоело, что со мной обращаются, как с преступником, Мэл. Я ничего не сделал. Ты не забыл? – Он проводит ладонью по лицу. – Или ты больше в это не веришь? А вообще верил?

– Конечно, верил. Правда. – Я толкаю соломинкой лед в стакане. – Но почему сейчас? Сначала Дейзи вернулась, а теперь ты? Что происходит?

При упоминании Дейзи на лице Деклана мелькает тень озабоченности так быстро, что я едва ее заметил.

– Я не вернулся, Мэл. Я все еще живу в Нью-Гэмпшире. Я приехал кое с кем повидаться, вот и все.

– С кем? С Дейзи?

Деклан тяжело вздыхает.

– Что ты так заиклен на Дейзи? Она все еще тебе нравится?

– Нет. Я просто пытаюсь понять, в чем дело. Я видел тебя на прошлой неделе, и ты ни слова не сказал, что приезжаешь. – Деклан пожимает плечами и тянет колу, избегая моего взгляда. – И знаешь, ты дерьмово подгадал по времени. С этой дрянью по всему городу.

– Ко мне-то какое это имеет отношение? – Он хмурится, когда я не отвечаю сразу. – погоди. Ты что, шутишь? Люди думают, что я как-то с этим связан? И что дальше? Теперь я и за глобальное потепление отвечаю? Черт побери, Мэл. – Один из стариков у стойки бара оглядывается через плечо, и Деклан откидывается на спинку стула, сердито глядя на меня. – К твоему сведению. Просто чтобы не было недомолвок. Я приехал сюда не для того, чтобы писать бросающие в дрожь лозунги на указателях, стенах и на чем там еще.

– На могилах, – поправляю я.

– Да как угодно, – скрежещет Деклан, тихо и зловеще.

Я ему верю. Я не могу представить себе вселенную, в которой мой вспыльчивый, переполненный тестостероном брат наряжает трех кукол, как королев бала, и привязывает их к мавзолею. Легче вообразить, как он стискивает руки на горле Лейси и лишает ее жизни.

Господи. У меня дрожат руки, когда я беру стакан, встряхиваю лед в нем. Не могу поверить, что я только что об этом подумал. Я набираю колу в рот и с трудом проглатываю.

– Тогда зачем ты приехал? И как долго пробудешь?

Деклан допивает свою колу и делает знак официантке.

– На этот раз виски с колой, – говорит он, когда она подходит.

Поджав губы, она поочередно смотрит на нас.

– Сначала удостоверение личности.

Деклан лезет за бумажником, потом медлит.

– Знаете что? Забудьте. Просто еще колы. – Она пожимает плечами и отходит. Деклан качает головой, словно противен сам себе. – Видишь, что я сделал? Решил не выпивать, а хотел, потому что мне не хочется показывать свое имя женщине, которую я даже не знаю. Вот она, моя гребаная жизнь.

– Даже в Нью-Гэмпшире? – спрашиваю я.

Один из стариков у барной стойки постоянно на нас поглядывает. Не могу сказать, почему – то ли мое несовершеннолетие настолько очевидно бросается в глаза, то ли... потому.

– Везде, – говорит Деклан. Он снова умолкает, когда официантка приносит колу, потом салютует мне стаканом. – Знаешь, Мэл, хорошо, что у вас с мамой здесь все хорошо. Питеру нравится делать вид, что я не существую, но вас он не обижает. Тебе в итоге, может, обломится колледж.

Он прав, вполне возможно. Отчего я чувствую себя виноватым, поэтому сообщаю:

– Питер обещает поговорить с мистером Коутсом насчет работы для тебя.

Поскольку Бен Коутс был мэром Эхо-Риджа, когда погибла Лейси, он несколько раз давал интервью о том, что, по его мнению, случилось. «Трагический, случайный акт насилия, – всегда говорил он, – совершенный каким-то извращенцем, которого случайно занесло в наш город».

Деклан мрачно смеется.

– Гарантирую тебе, это чушь.

– Нет, они встречались в выходные Дня труда, и...

– Уверен, встречались. И могли даже упомянуть обо мне. Вероятно, в связи с тем, каким самоубийственным для карьеры будет решение нанять меня. Вот как обстоят дела, Мэл, и я не буду донимать этим Питера. Я не хочу вбить клин между ним и мамой. Или тобой. И буду держаться от тебя подальше.

– Я не хочу, чтобы ты держался от меня подальше. Я просто хочу знать, зачем ты здесь.

Деклан не отвечает сразу. Когда же начинает говорить, то в его голосе звучит усталость.

– Знаешь, что случилось у нас с Лейси перед ее смертью? Мы переросли друг друга. Но мы этого не знали, потому что были парой глупых подростков, которые всю жизнь были вместе и думали, что так должно быть и дальше. Если бы мы были обычными людьми, то со временем поняли бы, что надо разойтись, и так и получилось бы. Нам пришлось бы двигаться дальше. Закрутить с кем-то другим. – Он еще понижает голос. – Этим должно было бы закончиться.

Мужчина у барной стойки, который разглядывал нас, встает и направляется в нашу сторону. Когда он пересекает уже половину помещения, я осознаю, что он не так стар, как мне показалось: наверное, немного за пятьдесят, с толстыми руками и выпуклой грудной клеткой. Деклан не оборачивается, но резко встает и достает бумажник.

– Мне пора, – говорит он, бросая на стол десять долларов одной бумажкой. – Не переживай, ладно? Все хорошо.

Он стремительно проходит мимо мужчины, который зовет, полуобернувшись вслед ему:

– Эй. Ты Деклан Келли?

Деклан продолжает двигаться к двери, и мужчина повышает голос:

– Эй. Я с тобой разговариваю.

Деклан хватается за дверную ручку и, нажав плечом на дверь, распаивает ее.

– Я никто, – произносит он и исчезает за дверью.

Я не знаю, что будет делать мужчина – подойдет ко мне, а может, догонит Деклана на улице, – но он лишь пожимает плечами и, вернувшись к барной стойке, снова усаживается на табурет. Его приятель наклоняется к нему, что-то негромко говорит, и оба они смеются.

Мне вдруг приходит в голову, пока я в тишине допиваю колу, что с близкого расстояния жизнь Деклана кажется гораздо дерьмовее, чем это видится из другого штата.

Полчаса спустя я тащусь домой, потому что моему брату не пришло в голову спросить, прежде чем так внезапно удалиться, не надо ли меня подвезти. Я заворачиваю за угол к дому, где жила Лейси, и тут замечаю в нескольких шагах впереди себя на дороге девушку, которая катит за собой здоровенный чемодан.

– Эй, – окликаю я, когда подхожу достаточно близко и узнаю ее. – Уже уезжаешь?

Эллери Коркоран оборачивается, и в этот самый момент колесико чемодана наезжает на камень, и тот едва не вырывается из рук девушки. Она останавливается и аккуратно ставит его рядом с собой. Дождаясь меня, она собирает волосы сзади и укладывает их в подобие пучка так быстро, что я не могу уследить за движениями ее рук. Просто завораживающее зрелище.

– Авиакомпания потеряла мой багаж больше недели назад, и его только что доставили. – Она закатывает глаза. – К нашим соседям.

– Да, не повезло. Но все же он нашелся. – Я показываю на чемодан. – Помочь?

– Нет, спасибо. Он не тяжелый. И бабушкин дом уже рядом.

Налетевший ветерок треплет выбившиеся пряди волос. Эллери такая бледная, с острыми скулами и упрямым подбородком, что казалась бы суровой, если б не ее глаза. Они чернильно-черные, огромные, чуточку раскосые, а ресницы такие длинные, что кажутся накладными. Я не осознаю, что рассматриваю ее, пока она не спрашивает:

– Что?

Я засовываю руки в карманы.

– Я рад, что встретился с тобой. Я хотел поблагодарить тебя за тот вечер. На сборе пожертвований. Понимаешь, за то, что ты не предположила, что я... злоумышленник.

Уголки ее рта приподнимаются в улыбке.

– Я мало что знаю о вандалах, но думаю, большинство из них вряд ли приходят в такой ужас от того, что сделали собственными руками.

– Да. Конечно. Но это было бы легче всего предположить. И большинство здесь так и делают. И это было бы... не очень хорошо для меня.

– Потому что твоего брата подозревали в убийстве Лейси, – подхватывает она. Совершенно спокойно, как будто мы говорим о погоде.

– Верно. – Мы продолжали идти, и меня неожиданно охватывает странное желание рассказать ей о моей встрече с Декланом. Мысли о ней мучают меня после ухода из «Таверны Буковски». Но это будет уже излишней откровенностью. Вместо этого я откашливаюсь и говорю: – Я... э... видел твою мать. Когда она приезжала на похороны Лейси. Она была... очень милой.

Милая не совсем подходящее слово. Сейди Коркоран была ступком энергии, который пронесся по городу и наэлектризовал всех даже в разгар печальных событий. У меня сложилось впечатление, что она воспринимала Эхо-Ридж как одну большую сцену, но я был не против посмотреть тот спектакль. Нам всем требовалось отвлечься.

Эллери прищуривается, глядя вдаль.

– Забавно, как все здесь помнят Сейди. Я совершенно уверена, что, посети я любой из городов, где мы жили, никто меня там не узнает.

– Сомневаюсь. – Я исподтишка бросаю на нее взгляд. – Ты называешь свою маму по имени?

– Ага. Когда она ходила на пробы, она заставляла нас притворяться, будто она наша старшая сестра, и так и прилипло, – объясняет Эллери тем же прозаическим тоном. Она пожимает плечами, когда я поднимаю брови. – Матери дошколят не считаются в Голливуде особо сексуальными.

Позади нас слышится шум автомобиля – сначала слабый, затем такой громкий, что мы оба оборачиваемся. Свет фар надвигается слишком быстро, и я, схватив Эллери за руку, дергаю ее с дороги. Она выпускает ручку чемодана и вскрикивает, когда тот валится прямо под колеса приближающейся машины. Визжат тормоза, и ярко-красный «БМВ» останавливается в нескольких дюймах от чемодана.

Стекло водителя опускается, и Кэтрин высовывает голову. Кэтрин в фиолетовой куртке чирлидеров Эхо-Риджа; на пассажирском месте сидит Брук.

Моя сводная сестра переводит взгляд на чемодан, когда я поднимаю его с земли и оттаскиваю в безопасное место.

– Куда-то едешь? – спрашивает она.

– Господи, Кэтрин. Ты едва нас не сшибла!

– Не сшибла же, – насмешливо говорит она. Поднимает бровь, когда Эллери принимает у меня ручку чемодана. – Это твой, Эллери? Ты ведь не переезжаешь опять?

– Нет. Долго рассказывать. – Эллери катит громадный чемодан к травянистому холмику перед домом ее бабушки. – Я уже почти пришла, так что... я догоню вас позже.

– Увидимся завтра, – говорю я, пока Кэтрин машет рукой и лениво тянет: – Пока-а-а-а-а. – Затем она хлопает ладонью по дверце машины и с прищуром смотрит на меня. – А ты кое-что от меня скрывал. Ты не сказал мне, что Деклан вернулся в город.

– Я понятия не имел, до сегодня, – отвечаю я.

Кэтрин смотрит на меня с подозрением. Брук наклоняется вперед и натягивает рукава фиолетовой чирлидерской куртки на ладони, как будто мерзнет. Она смотрит то на Кэтрин, то на меня, когда та спрашивает:

– Ты ждешь, что я тебе поверю?

Я чувствую, что раздражаюсь.

– Мне все равно, согласишься ты или нет. Это правда.

Мую сводную сестру и брата ничто не связывает. Деклан не приехал на свадьбу нашей мамы с Питером и не приезжает в гости. Кэтрин же ни разу не упомянула его имя за все четыре месяца, что мы живем вместе.

Я вижу, что мой ответ ее не убедил, но она указывает головой в сторону заднего сиденья.

– Залезай, мы тебя подвезем. – Она поворачивается к Брук и добавляет громко, чтобы я расслышал: – Добро пожаловать.

Брук раздраженно хмыкает. Не знаю, что это значит, и спрашивать нет желания. В настоящий момент Кэтрин раздражена до предела, но я устал идти пешком. Я забираюсь на заднее сиденье и едва успеваю захлопнуть дверцу, как Кэтрин дает по газам.

– Ну, все равно, что здесь делает Деклан? – спрашивает она.

– Не знаю, – отвечаю я, и тут до меня доходит, что? именно в моем получасовом разговоре с Декланом тревожит меня с тех пор, как я вышел из «Буковски». Совсем не то, что я не знал о его присутствии в городе.

Меня тревожит то, что он не ответил ни на один из моих вопросов.

Глава 8

Эллери

Понедельник, 9 сентября

Едва закрыв за собой входную дверь, я падаю на колени перед чемоданом и хватаюсь за «молнию». Внутри ком из одежды и туалетных принадлежностей, но все это такое дивно знакомое, что я набираю в охапку, сколько могу, и на несколько секунд прижимаю к груди.

Бабуля появляется в дверях кухни.

– Видимо, всё на месте? – спрашивает она.

– Да вроде, – отвечаю я, держа, как трофей, свой любимый свитер.

Не говоря больше ни слова, бабуля идет наверх, а я замечаю среди своей темной одежды вспышку красного: маленький бархатный мешочек с украшениями. Я высыпаю его содержимое на пол и выбираю из кучки ожерелье. На тонкой цепочке висит затейливый кулон, который кажется цветком, пока не приглядишься и не поймешь, что это кинжал.

– Моей любимой любительнице детективов, – сказала Сейди, когда подарила мне его на день рождения два года назад.

Мне всегда хотелось, чтобы она спросила, почему меня так привлекает эта тема, и тогда, возможно, мы могли бы по-настоящему поговорить о Саре. Но, думаю, отделаться аксессуаром было легче.

Я застегиваю цепочку с подвеской на шею, когда бабуля спускается вниз, на стиге локтя у нее висит сумка для покупок.

– Перенесешь свои вещи наверх попозже. Я хочу до ужина съездить в «Дэлтонс». – В ответ на мой вопросительный взгляд она поднимает сумку. – Мы вполне можем вернуть одежду, которую я купила для тебя на прошлой неделе. От моего внимания не укрылось, что ты предпочитала брать одежду у брата.

Я вскакиваю с горящими щеками.

– О. Ну да. Я просто не привыкла...

– Ничего, – сухо говорит бабуля, снимая ключи с доски на стене. – Я не тешу себя иллюзией о своем знании подростковой моды. Но нет причин, по которой эти вещи должны отправиться на свалку, когда могут пригодиться другому человеку.

Я с надеждой пытаюсь заглянуть ей за спину.

– Эзра едет с нами?

– Он ушел гулять. Поторопись, мне нужно вернуться и приготовить ужин.

Прожив десять дней со своей бабушкой, я кое-что усвоила. Всю дорогу до «Дэлтонса» она будет ехать на пятнадцать миль медленнее разрешенной скорости. Домой мы вернемся не менее чем за сорок минут до шести часов, потому что именно в это время мы едим, а бабуля не любит спешить, когда готовит. Мы получим белки, углеводы и овощи. И бабуля ожидает, что к десяти часам мы будем сидеть в своих комнатах. Против чего мы не возражаем, поскольку ничего более интересного нам предложить не могут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42005755&lfrom=362673004) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

В американском футболе тачдауном называется пересечение мячом или игроком с мячом линии зачетного поля соперника. – Здесь и далее примеч. перев.

2

«Hot Topic» – американская компания, которая специализируется на розничной торговле атрибутами альтернативной музыки и андерграунда, в частности футболками с логотипами музыкальных групп.

3

Феминистски настроенная Миа возмущена традицией прежних времен называть жену в официальных случаях именем мужа – например, не миссис Джейн Уайт, а миссис Сэмюэл Уайт.

4

Речь идет об американском футболе.